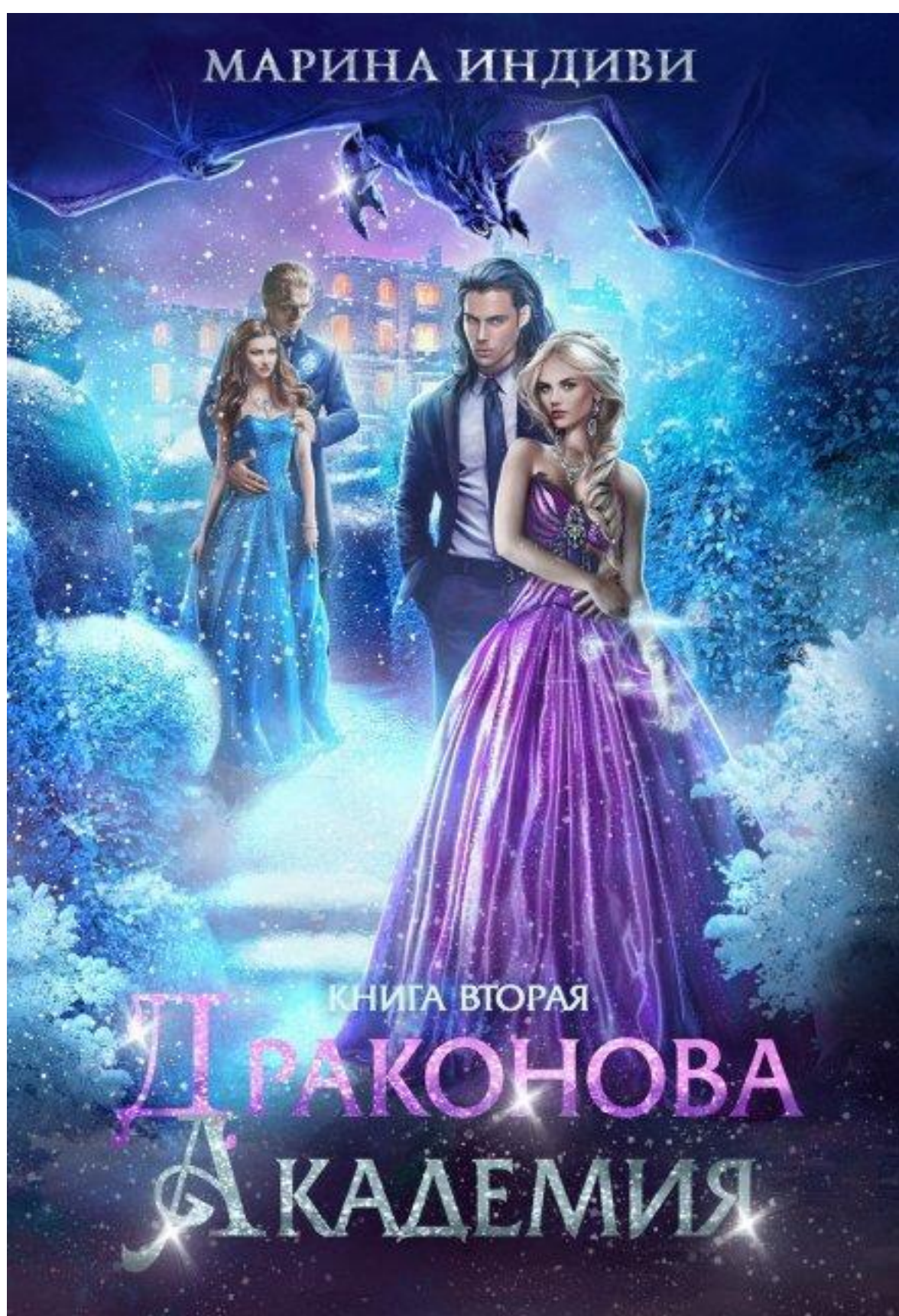

МАРИНА ИНДИВИ

КНИГА ВТОРАЯ

ДРАКОНОВА АКАДЕМИЯ

Марина Индивиди

Драконова Академия. Книга 2

«Литнет»

2021

Индивиди М.

Драконова Академия. Книга 2 / М. Индивиди — «Литнет», 2021

✿# Сходила, называется, на пару по драконьему языку! Невестой принца быть перестала, а стала женщиной темного архимага, который теперь точно никуда меня не отпустит. Вот и что с этим делать, спрашивается? Учиться, учиться и еще раз учиться, потому что только темная магия способна помочь мне спасти подругу, да и светлая тоже в хозяйстве пригодится. Драконова Академия!

✿#✿# Первая книга: ✿# Третья книга:

© Индивиди М., 2021

© Литнет, 2021

Содержание

♣# Пролог	5
♣# Глава 1	7
♣# Глава 2	12
♣# Глава 3	17
♣# Глава 4	22
♣# Глава 5	26
♣# Глава 6	33
♣# Глава 7	38
♣# Глава 8	42
♣# Глава 9	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Пролог

Керуан Четвертый

— Валентайн Альгор опасен! И вы прекрасно это знаете.

Разумеется, Керуан это знал. Кому как не ему знать, на что способна темная магия, чье дыхание может уничтожить целый город за несколько минут. С уничтоженными ею городами он сталкивался исключительно на страницах учебников — будучи адептом, а вот ее воздействие на человека, сильнейшего мага, испытал на себе. Его сила чуть ли не досуха была выпита в считанные секунды, и если бы не тот мальчишка, тогда еще хрупкий подросток, закованный в антимагические кандалы, под десятками охранных и подавляющих волю заклинаний, он бы не выжил. Не стоял бы сейчас, глядя на сверкающие огни площади Хэвенсграда, не дышал бы. Не мог бы повернуться к Лэйтору и произнести:

— Он неприкосновенен, и это не обсуждается.

Лицо Гритта пошло красными пятнами. Лэйтора можно было понять: при том нападении погиб его брат-близнец, а связь между близнецами всегда нерушима. Керуан знал это по себе, вот только у него была сестра. Которая, к счастью, счастливо замужем, и у которой трое детей. Тем не менее представить, что что-то случится с Энирой, он не мог в принципе. Поэтому понимал чувства Лэйтора. Поэтому сейчас повторил уже мягче:

— Он спас мне жизнь.

Гритт, и без того напряженный, натянутый как струна, сейчас вытянулся еще сильнее и шагнул к нему.

— Вы уверены, что знаете его мотивы?

— У него было достаточно лет, чтобы проявить свои мотивы. Он на нашей стороне, Лэйтор.

— Возможно, — военный раздул ноздри, но тут же взял себя в руки. — Но вы не настолько близки к армии, как близок я. О нем говорят. О его силе. Его боятся и в равной степени превозносят — его, двадцатисемилетнего мальчишку, младшего из архимагов Даррании. Мои воины говорят о том, что с его силой мы способны победить Адергайна Ниихтарна, и раз и навсегда избавиться от угрозы Мертвых или... — Он скривился. — Темных земель. Говорят, что он отличный стратег, и что под его командованием мы обретем силу, которой люди Даррании не знали никогда.

Лоб Керуана прочертила глубокая морщина. Да, о силе Валентайна Альгора слагали легенды, и большинство из них небезосновательно, но подобные настроения в рядах армии, его собственной армии — недопустимы. Верховным архимагом был и остается он, если его авторитет начнут ставить под сомнение какие-то рядовые вояки...

— Давно тебе известны эти разговоры солдат? — холодно поинтересовался он. — И как скоро ты собирался мне о них сообщить?

— Разговоры начались недавно, — Лэйтор пригладил жесткие седые волосы ладонью. — Но начались они не среди солдат. Точнее, не только среди солдат, но и среди кальваренов, и среди юнцов-новобранцев из знати. Его слава идет впереди него. Для меня вы — мой Архимаг, и это не обсуждается, но заткнуть рты всем не смогу даже я.

Плохо. Вот это уже действительно плохо. Правление Даррании со стороны людей держалось на нем и на остальных архимагах. Альгор, Равен, Драконов. Драконов вообще принадлежал к сильнейшему древнему роду, в его предках ходил отец-основатель Академии, попасть в которую сейчас было не только и не столько модно и престижно, сколько практически невозможно. Равен стал архимагом после предательства Симеона Ларо и его жены, Альгор... Альгор не просто спас ему жизнь. В свое время Валентайн помог предотвратить вторжение темных у западных границ, а еще он занимался с сыном Фергана. Не просто с сыном, с наследником

— Сезар Драгон под влиянием своей темной половины до сих пор был потенциально опасен, и Валентайн делал все, чтобы эту опасность нивелировать и научить старшего принца справляться с черной отравой в его крови. Но сам он, сам Альгор был этой отравой.

Впервые за долгое время Керуан снова задумался о том, насколько опасно было приближать его к себе. Пусть он ни словом ни делом не предавал, он мог ударить иначе. Ему вовсе необязательно приводить на земли Даррании войско отца, если он может создать свое. Подтачивая его авторитет естественным ходом времени и своей силой. Темная магия не просто так считалась самой опасной, она была еще и самой сильной. Сильнее королевской золотой мощи светлых, сильнее всего.

В этих мыслях Керуан почувствовал себя мерзко, хотя пока еще не допустил до себя основную: от угрозы такой мощи лучше избавляться заранее. Или уже допустил?

Резко повернувшись на каблуках, он всмотрелся в свое отражение в окне. Ярко-алые кольца полыхали в его радужке несмотря на освещение, несмотря на время суток, всегда. Даже в темном ночном отражении они горели как два клейма: отметины темной магии, почти превратившей его в ничтожество. Он помнил сквозь забытие лицо мальчишки — резкие скулы, бледная от долгого нахождения в застенках, с подавленной магией, кожа — и большие глаза. В них отражалась сама Смерть, когда Валентайн боролся с последствиями воронки поглощения. Эта Смерть растекалась из его глаз, черными нитями текла под кожей вместе с кровью.

Тогда он думал, что это конец, но эта Смерть подарила ему жизнь.

Керуан глубоко вздохнул, отгоняя воспоминания, и повернулся к Лэйтору:

— Ты можешь допросить девочку.

В глазах гритта сверкнуло победное торжество, и он тут же добавил:

— Не ставь Альгора в известность. Мне не нужны ваши стычки. Сделай это тогда, когда он будет далеко.

— А он будет?

— Будет. Я позабочусь. — Керуан подавил желание скривиться — от собственных слов почему-то стало мерзко. — И еще. Мне нужна вся информация, которую ты сможешь из нее вытянуть. Если он что-то скрывает, если она что-то скрывает, если они что-то скрывают — у нас с ним будет совсем другой разговор. Используй любые средства, но достань мне эту информацию.

Лэйтор коротко кивнул:

— Вы не пожалеете, что доверились мне.

Керуан не ответил. Снова развернувшись к сияющей огнями площади, он смотрел в глаза собственному отражению. Смотрел, как гритт за его спиной коротко склонил голову, а после покинул его кабинет. Только когда за Лэйтором закрылась дверь, Верховный архимаг Даррании вернулся к столу и тяжело опустился в кресло.

Глава 1

В Академии Драконова я с самого утра носилась как в попу ужаленная. Сначала — потому что Макс «неожиданно» вспомнил, что у него сегодня ранние занятия, на которые он не успеет, если сначала мы повезем к порталу меня. Хитар не ругался сложносочиненными местными конструкциями, судя по его лицу, исключительно потому что положение архимага обязывало.

Что касается меня, я была уверена, что братец это сделал нарочно — чтобы я опоздала или чтобы и без того расшатать наше хрупкое «семейное» равновесие. Знал бы он, какие мысли у меня в голове, вряд ли бы решил, что меня это способно выбить из колеи. Как бы там ни было, я действительно почти опоздала. Исключительно потому, что возле школы Макса мы встали в дичайшую местную пробку из самых разношерстных магмобилей.

Здесь они назывались маджикары, так вот, пока мы очень медленно пробирались к зданию Хэвенсградского центрального порталного вокзала в этой маджикарной толкучке, я успела сделать задание по драконьему языку. Что оказалось очень в тему — сегодня на занятиях меня решили спросить по настоящему времени драконьих глаголов. Хоть краснеть не пришлось. На выходных я оставила это занятие на потом, поскольку думала, что успею почистить на месте, в итоге на месте, выстояв невероятную очередь (время персонального забронированного портала прошло), я успела только переодеться в форму и добежать до нужной аудитории.

На занятиях по драконьему языку Люциана не было, и на обеде его не было тоже. Правда, с Лиллеей, Невсом и Милли мы здорово пообщались. Они же и рассказали, что Люциан вообще не поклонник приезжать заранее, а у драконов сегодня занятия начинаются после обеда, как раз с основ боевой магии. Поэтому раньше чем минута в минуту на полигоне его ждать не стоит.

— Как прошел ужин? — поинтересовался Дас, который до этого в нашем разговоре не участвовал. Развалившись на стуле, он развлекался с чем-то в своем магическом планшете, превратив его в своеобразный щит. Но сейчас во взгляде лучшего друга Люциана мелькнула насмешка, как будто он знал больше, чем остальные.

— Чудесно, — ответила я, стараясь изящно обогнуть тему, на которую говорить не очень-то и хотелось.

— Да, ужин, — тут же спохватилась Лиллея. — Ленор, нам же интересно!

— Ну... меня представили Фергану. Это было довольно страшно, — призналась я, чем вызвала взрыв смеха со стороны драконов. Смеялись все, кроме Даса, тот продолжал меня изучать сверху вниз. — Я держалась за Люциана и за платье, поэтому упасть мне не грозило. Когда мы сели за стол, все стало гораздо проще.

— О чем его наисветлейшество спрашивал? — Лиллея даже через стол перегнулась, глаза ее сверкали от любопытства.

Милли ткнула ее ногой под столом, та ойкнула.

— Что? Ну мне же правда интересно!

— В основном о том, как мы познакомились.

— И наверняка о том, кем ты видишь себя в семейной иерархической системе Драконов, — хмыкнул Невс. — Когда мы с Милли первый раз пришли к ним на ужин, я думал, меня с ног до головы промоют королевской магией. Чуть икоту не заработал.

Все снова рассмеялись. На этот раз даже Дас выдавил улыбку.

— Да, к Драконам можно быть допущенным исключительно через Фергана.

— Стойте. Что значит «промоют»? — я с интересом посмотрела на Милли.

— У золотых, то есть у правителей, есть такая особенность — они пропускают сквозь тебя частицу своей магии, чтобы убедиться, что ты не способна причинить вред ни им, ни их семье. Это для них нормальная история, Ферган лично проверяет все окружение сыновей и дочери, потому что его магия самая сильная, — пояснила драконесса, — ему достаточно крохи, чтобы обнаружить любую опасность.

— Так, и что произойдет, если опасность будет обнаружена? — уточнила я.

— В лучшем случае, желающему причинить вред станет очень больно и плохо.

— А в худшем?

— А в худшем — остановка сердца. Но это совсем крайности, если там есть, например, какое-то темное заклинание или темная магия.

Я как-то разом расхотела есть. Потому что вспомнила, как взгляд Фергана прошелся по мне, и меня почти можно было выносить — если бы Альгор не вмешался. В лабиринте Альгор не сказал мне об этом, сказал только о том, что это столкновение темной и королевской светлой магии. Сказал, что когда правитель светлых драконов смотрел на меня второй раз, темной магии во мне уже не было... почему он не сказал сразу, что этот взгляд просто-напросто мог меня убить? Затем, чтобы потом убить новостями о Соне?

Да, как ни бегай от собственных мыслей, а далеко от них не убежишь. Я отложила приборы, отодвинула тарелку и поднялась.

— Пойду переодеваться, — сказала я. — Хочу прийти заранее и немного размяться.

— Удачи на тренировках! — чуть ли не хором произнесли Милли и Невс, и обменялись улыбками. Брат и сестра действительно иногда умудрялись говорить хором.

— А вам на боевой магии, — я вышла из столовой, не особо глядя по сторонам. Хотя взглядом все-таки зацепила сияющую от счастья Драконову — ее вечное снисходительное выражение наконец-то сменила на удивление теплая, искренняя улыбка, а глаза сверкали не превосходством, а радостью. Она тоже посмотрела на меня, и, что самое странное, не скривилась. Не в этот раз. Хотя София тут же отвлеклась на Клаву, которая что-то поспешно начала говорить, а после я уже выскользнула за дверь.

Я и правда направлялась в сторону крыла, где располагались залы для физподготовки людей и местный аналог университетского стадиона — тоже для людей, когда меня неожиданно догнала Лика.

— Ленор! Ленор, стой!

Я остановилась, пришлось даже отскочить в сторону, чтобы в меня не врезались спешащие куда-то старшекурсницы.

— Привет, — драконесса улыбнулась, но улыбка тут же сбегала с ее губ. — Слушай, я хотела попросить прощения за то, что... ну ты понимаешь.

Если честно, я не понимала: вроде как между нами все было нормально, а потом Лика сорвалась, наговорила мне грубостей из-за того, что я хотела отказаться от прогулки с Люцианом. Больше мы с ней не общались, следующим утром она даже не открыла мне дверь — или заранее ушла, чтобы не открывать и не разговаривать со мной. Поэтому сейчас разговаривать с ней желания не было у меня.

— Все нормально, — сказала я. — А сейчас извини, я спешу.

— Нет, подожди, — Лика шагнула ко мне. — Я правда не должна была себя так вести. Мне просто было очень плохо, я хотела развеяться, очень хотела пойти на ту прогулку. А ты не хотела, поэтому получилось так, как получилось.

— Получилось так, как получилось, — подтвердила я, не собираясь вспоминать прошлое. Прошлое оно на то и прошлое, чтобы оставаться в прошлом. — Теперь очень плохо мне, и я тоже хочу развеяться.

Не дожидаясь ответа, повернулась и зашагала по коридору. Туда, где, быстро переодевшись в форму, бегала, прыгала, приседала, а после все то же самое повторяла уже на занятии,

на удивление шустро сдал нормативы и даже без каких-либо подколов со стороны Драконовой и компании. В свой бег, прыжки, лазание по лесенкам и турникам я вкладывала всю свою бес- сильную ярость — невозможность что-либо изменить, отчаяние — *Сони больше нет*, и все связанные с этим чувства, которые могли бы разорвать меня на части, если бы я не пустила их в занятия спортом. На пределе сил.

Поразительно, но в этот раз после занятия я чувствовала себя не мокрой тряпочкой, а напряженной, звенящей струной. Душ принимала в душевых, расположенных прямо у залов физподготовки, это было проще, чем возвращаться к себе. Пока сушила волосы, слышала доно- сящийся из раздевалки смех Драконовой — надо отдать ей должное, очень женственный и мелодичный. По иронии судьбы злейшего врага Ленор звали Софией, и в этот момент я захо- тела дать этой судьбе поджопник.

Видимо, сегодня мне нужно было две, а то и три пары физподготовки. Хотя с наибольшей вероятностью, сразу основ боевой магии.

С этой мыслью я подходила к кабинету, где предстояло слушать лекцию Валентайна. В полной уверенности, что именно сейчас ко встрече с ним я как никогда готова. Во мне клуби- лось столько энергии и столько сил, что мне было плевать, кто будет вести эту пару — правда, на подходах к аудитории я поняла, что забыла про одно очень важное «но».

Это «но» стояло у входа в аудиторию и пристально смотрело на меня. Очень важное, как всегда. И, судя по сдвинутым бровям, очень злое.

Ну привет, Люциан Драгон.

От вчерашнего желания с ним нормально поговорить меня отделяла долгая ночь, не менее долгое утро и долгий день, а теперь вот еще и рассказ его друзей о том, что его отец меня сканировал. Тем не менее, приблизившись, произнесла я совершенно спокойно:

— Привет.

— Привет? — он хмыкнул. — И это все, что ты хочешь мне сказать?

— А что ты хочешь услышать? Вчера я собиралась сказать тебе многое, но видимо, тебе было не до того. Поэтому вряд ли стоит использовать для этого перерыв между занятиями.

Не дожидаясь ответа, я повернулась к дверям и почти вошла в аудиторию. Почти — потому что Люциан его младшее наисветлейшество Драгон схватил меня за локоть и резко притянул к себе.

— Вчера мне было не до разговоров, Ленор, — произнес он, раздувая ноздри.

— Вот как. А сейчас, значит, до разговоров, — ответила я, чувствуя, что начинаю рас- паляться.

— Сейчас да, — сообщил принц. — Нам надо поговорить. Немедленно.

— Прямо здесь? — я приподняла брови.

Мимо нас по коридору спешили адепты, мимо нас, бросая многозначительные взгляды, однокурсники проходили в аудиторию. Люциана, кажется, это вообще не смущало, хотя зда- ется мне, надо переставать использовать имя Люциан и слова «кажется» и «не смущало» в одной мыслеформе, потому что его вряд ли способно что-то смутить. Вздернув бровь, принц просто подтолкнул меня подальше от ведущих в аудиторию дверей, оперся ладонями по обе стороны от меня, и произнес:

— Говори.

Со стороны это выглядело, должно быть, очень интересно. Или очень скучно для тех, кто близко знаком с Люцианом Драгоном: поскольку вряд ли принц зажимал вот так у стеночки одну меня. Эта мысль внезапно отозвалась короткой вспышкой-уколом ревности, и я немед- ленно задвинула ее подальше. Сложив руки на груди, посмотрела в красивое лицо.

— А давай для начала говорить будешь ты? Например, о том, почему не предупредил, что твой отец использует на мне драконий взгляд, чтобы в случае опасности прибить на месте?

— Тебе есть что скрывать, Ленор? — прищурился Люциан.

— Нет. Но о таком как минимум предупреждают!

— Не вижу смысла предупреждать о том, что не может тебе навредить. Он проделывал это со всеми моими друзьями и со всеми друзьями Сезара и Нэвьеры. Никто не жаловался.

— Мы вроде бы уже выяснили, что я — не все, — заметила я. — И я не просила для себя особых условий. Просто предупреждения.

— Это уже в прошлом, — отмахнулся Драгон. — Не вижу смысла об этом говорить.

Ах, вот как?

— В таком случае нам вообще не о чем говорить, — улыбнулась. — Потому что все случившееся тоже в прошлом.

Принц недобро сощурился.

— Шутишь, Ленор?

— Да нет же! Говорю совершенно серьезно и со всей искренностью, — я попыталась поднырнуть под его руку, но он опустил ее ниже. — Люциан. Отойди.

— А то — что? — усмехнулся драконий принц.

— Мы уже проходили это, и не раз.

— Может, мне нужно закрепление материала? — неожиданно зло поинтересовался он. А потом так же зло, рывком, впился поцелуем в мои губы. Настолько резким, что я не успела вздохнуть, а воздух, оставшийся во мне, замер в груди. Этот поцелуй получился грубым и яростным: Люциан просто ворвался в мой рот языком, сминая мои губы без малейшего намека на нежность. Пытаясь отстраниться, уперлась ладонями ему в грудь, в ответ он только сильнее рванул меня на себя, вжимая всем телом в драконопринцеву скалу, сметая остатки моего сопротивления, сдавливая мою нижнюю губу до боли. Миг — и я, опомнившись, просто впи-
ваюсь зубами в его, чувствуя металлический привкус, а пальцы на моей шее под длиной волос сжимаются с силой, в собственническом драконьем жесте. В следующее мгновение укус обжигает уже меня, и воздух из груди вырывается стоном. В его рот.

— Вам явно нужно уединиться.

Этот голос врывается в меня холодом потусторонней силы. Хотя скорее, его присутствие или его магия, Люциан отстраняется, в упор глядя на Валентайна.

— Завидовать нехорошо, магистр Альгор.

Валентайн изменился. Я чувствую это каким-то странным стопятидесятым чувством, которого во мне раньше не было и в помине, с другой стороны, во мне раньше много чего не было. Много чего из того, что есть сейчас, но вот это вот то, что есть, какой-то внутренний компас не просто сигнализирует, он орет как неисправная сигнализация: «Опасность»! Не знаю, о чем это — глаза Валентайна остаются светлыми, но я почему-то чувствую текущую, обволакивающую угрозу темной силы как никогда раньше.

— Лю... — начинаю было я, но Валентайн перебивает:

— К сожалению для вас, сейчас начинаются занятия, — он говорит так, будто Люциана и не слышал, будто его вовсе не существует. — Поэтому придется немного подождать. Прошу вас.

В этом жесте, когда он указывает на двери аудитории раскрытой ладонью, привычная издевка. Помимо нее — та самая угроза, от которой в мое сердце вползают ледяные корни непонятного чувства. Это даже не страх, я не могу его объяснить, просто беру Люциана за руку и, глядя ему в глаза, говорю:

— Пойдем.

Люциан поворачивается к нему спиной. Демонстративно касается кончиком языка ранки на губе.

— Предупредила бы, что ты настолько соскучилась, Ларо.

Я бы закатила глаза, но сейчас просто ныряю в аудиторию, и ему не остается ничего кроме как последовать за мной. Энергия, которая бурлила во мне после физподготовки, явно

перешла в какую-то иную стадию, потому что сейчас она пульсирует в каждой клеточке тела напряжением. Я даже спотыкаюсь, когда собираюсь подняться к местам, которые заняли для нас друзья Люциана.

Валентайн шагает в аудиторию, сцепив руки за спиной. Я где-то читала, что это негласная поза лидера — тот, кто держит за спиной руки, раскрывает грудь, а это означает, что он открыт для любой угрозы и не боится ничего. Стоит ему войти, как раздается сигнал, оповещающий о начале занятия.

Почему у меня такое чувство, что я в ловушке, и она только что захлопнулась?

Глава 2

Возможно, потому что так и есть? Потому что справа от меня сидит Люциан Драгон, а внизу маячит Валентайн Альгор, у которого взгляд как у того, кто готов убивать. С другой стороны, у него всегда такой взгляд, может, повода для беспокойства нет?

— У меня от него мурашки, — еле слышным шепотом делится со мной впечатлениями Милли, которая сидит слева от меня.

Или есть?

Продолжить тему Альгора, беспокойства и мурашек не получается, потому что Валентайн произносит:

— Добрый день, адепты. Если здесь есть те, кто меня еще не знает, меня зовут Валентайн Альгор.

С — Самомнение.

— Я буду преподавать у вас экспериментальный предмет с говорящим названием «Темная магия». Хотя вряд ли среди вас есть те, кому оно по-настоящему о чем-нибудь говорит.

— Разве что о том, что его будет преподавать наследник злейшего врага Даррании, — хмыкает Люциан. Вполголоса, но достаточно для того, чтобы это услышали все. Я мысленно холодею, а еще испытываю сильнейшее желание врезать драконьему принцу по голове чем-нибудь тяжелым, но все тяжелое осталось у меня в комнате: я имею в виду книги. Мой «виртуальный планшет» разве что забавно наденется сверху, когда из светящегося прямоугольника будет торчать драконопринцева голова. Но вряд ли это поставит ему мозги на место.

— И это тоже, — невозмутимо отвечает Валентайн. Настолько невозмутимо, что мои мурашки начинают собираться в стаи, а может быть, у них там военные построения и выборы генерала. Или, как здесь говорят, гритта. — У вас есть с этим проблемы, адепт Драгон?

— Нет, что вы, — Люциан отвечает так, что сахарная патока не стекает с потолка нам на головы только по какому-то волшебству, а я продолжаю чувствовать покалывающую, обжигающую ярость золотой магии каждой клеточкой тела, — никаких проблем, магистр Альгор.

— Замечательно. Тогда, если ни у кого из присутствующих не наблюдается с этим проблем, мы продолжим, — Валентайн шагает ближе к рядам, а я наступаю открывшему рот Люциану на ногу. Изо всех сил. Каблуков у меня нет, поэтому приходится давить хрупкой женской силой. То есть пяткой.

К счастью, это производит нужный эффект: драконопринц отвлекается от Валентайна и бросает на меня раскаленный золотой взгляд, а я плотно сжимаю губы и киваю в сторону преподавателя. Сейчас он для нас преподаватель. Точнее, магистр, и в данных обстоятельствах это лучшее, что могло случиться.

— Темная магия. Кто из вас что-то знает о ней? — Валентайн на меня не смотрит, но лучше бы смотрел. Потому что чувствовать темное пятно его пристального внимания, когда он обводит взглядом аудиторию, еще более странно, дико и мурашечно. — Адепт Драконова.

Он же нас всех называет по именам. В смысле, не по именам, а по фамилиям, хотя видит впервые. Он что, заранее нас изучал? Мысль приходит внезапно, за ней — следующая, Драконову знают все и надо бы мне уже успокоиться, но напряжения почему-то становится все больше, больше и больше.

— О темной магии почти ничего не известно, поскольку еще несколько веков назад сами знания о ней были запрещены, — произносит София, и я невольно поворачиваюсь в ее сторону. Густые длинные волосы струятся по плечам, темные глаза сверкают, на чуть пухлых губах — уверенная улыбка. Если бы не мысли-воспоминания, которые ко мне пришли — о ее стычке и поведении с Ленор, я бы подумала: «Какая красивая девушка», сейчас же у меня в голове крутится только одно: «Вот стерва». — Впоследствии это решение было отменено именно по

той причине, что врага нужно знать в лицо, но тот факт, что темную магию изнутри допустили к изучению в Академии Драконова уже говорит о существенном сдвиге в этом направлении.

— Или о существенных неладах с головой у ректора Эстре, — фыркает Дас еле-еле слышно.

Тем не менее Альгор поворачивается к нам.

— Повторите то, что вы только что сказали, адепт Ниргэм. Вслух, громко и для всех.

А, нет. Он все-таки нас изучал.

Дас как-то резко бледнеет и качает головой:

— Не думаю, что...

— Думать — полезный навык. Особенно на занятиях. Особенно на моих занятиях, — Альгор в упор смотрит на него. — Поскольку я не сторонник преподавания по теории, мои занятия будут строиться на немедленной отработке практических навыков и мне бы очень не хотелось, чтобы с вами что-то случилось из-за вашей невнимательности.

Дас бледнеет еще сильнее, тем не менее упрямо вскидывает подбородок:

— Это угроза?

— Нет, это техника безопасности. Повторяйте то, что сказали, адепт, или на сегодня можете быть свободны. Отработку вам назначат в ректорате.

Дас резко поднимается: так резко, что раздается скрежет стола, по его лицу понятно, что он готов выдать что-то очень нелицеприятное, а по лицу Люциана — что он явно собирается его поддержать, поэтому я делаю то, что никогда бы не сделала при других обстоятельствах. Проще говоря, под столом кладу ладонь Люциану на колено. Прикосновение получается неожиданным не только для меня, но и для Люциана — он вздрагивает, потому что не ожидал. Я тоже не ожидала, и наше перекрестье взглядов получается слишком долгим.

— Будущие супруги Драгон, — Валентайн смотрит на нас так, что мои мурашки дохлящими сыпаются на пол, а их генерал подает прошение об отставке, — вам есть что добавить по теме?

— Нет, — отвечаю я. Поражаюсь тому, как спокойно и сильно звучит мой голос.

— В таком случае возвращайтесь на занятие. По отдельности. — Холодом в его голосе можно всю Академию превратить в ледяной замок, но Валентайн уже отворачивается. — Темная магия, как и сказала адептка Драконова, действительно долгое время была под запретом. Все знания о ней считались опасными именно потому, что она не имеет ничего общего с той магией, с которой вы когда-либо соприкасались. Магия, которую вы знаете — магия светлых драконов и магия людей, черпает свои силы из жизни. У нее свои законы, свои проявления и одна большая уязвимость перед магией, о которой мы будем говорить на моих занятиях. Кто понимает, какая?

Поскольку в аудитории царила тишина, и, судя по всему, рук никто не поднимал, я решила бороться со своими страхами. То есть попросту подняла ее первой. Мне казалось, Валентайна это как минимум удивит, но он повернулся ко мне с совершенно непроницаемым выражением лица. На миг показалось, что он сейчас даже произнесет: «Не-Ленор» своим низким чуть хриплым рычащим голосом, каким он становился в мгновения, когда Валентайн называл мое имя, но нет.

— Адептка Ларо.

— Могу предположить, что темная магия имеет иную природу за счет своего источника, то есть смерти.

По аудитории проносится гул шепотков, а я продолжаю:

— У смерти нет ограниченного ресурса, как у жизни. Поэтому, с наибольшей вероятностью, истощить темную магию практически невозможно, в отличие от светлой. Именно этим она опасна.

— Все так. Но вы забыли еще одну очень важную деталь. — Валентайн смотрит на меня в упор. — Невозможность ее обнаружить именно за счет того, что она чужда этому миру. Ее можно «поймать» только в момент проявления. Или с помощью того, кто обладает подобной магией, но в вашем случае речь идет именно о том, что вы никогда не почувствуете и не увидите темную магию, пока она не проявится. Даже сильнейшие из вас могут оказаться под ударом именно за счет того, что в момент проявления у вас остаются считанные мгновения, чтобы поставить щит или отразить атаку.

Так, погодите. Если даже сильнейшие не могут ее обнаружить, получается, что когда я была у Фергана, он не мог почувствовать темную магию во мне? Или... я что-то совсем запуталась. Что он вообще искал? И что вообще это было?

Почему единственный источник ответов обо мне и о том, что из себя представляет темная магия — Валентайн Альгор?

Который сейчас словно мысли мои прочитал.

— Адептка Ларо. Спуститесь ко мне, я покажу, как это работает.

Что? Что?!

Я не успела подавиться воздухом от предложения Валентайна, но от слов Люциана все-таки подавилась.

— Ленор не пойдет. Пойду я.

И, прежде чем я успела хоть что-то сделать, Люциан уже поднялся из-за стола и спустился к Альгору.

Я чуть было не сорвалась следом за ним, вовремя себя поймала. Такой трюк точно ни к чему хорошему не приведет, поэтому оставалось только сидеть и наблюдать.

За тем! Как этот! Идиот! Подходит к Валентайну, сунув руки в карманы и останавливается напротив, глядя прямо в глаза.

— Что ж, ваше право, адепт Драгон, — Валентайн кивнул. — Отойдите на пару метров.

В этот момент, а если уж быть предельно точной, от его голоса мой желудок попросился на выход. Пришлось вцепиться пальцами уже в свои колени и напомнить ему, что он мне полагается по базовой комплектации, а себе — что мы находимся в учебной аудитории, в которой ничего плохого не может случиться. Ведь не может же?

Люциан пожал плечами и отошел, демонстративно развернувшись к Валентайну спиной, а после остановился.

Окинул взглядом собравшихся, усмехнулся:

— Сообщите, когда мне падать в обморок от страха?

По аудитории пронеслись смешки. Даже Милли с Невсом хихикнули, а вот я ощутила разрастающийся холод темной магии раньше, чем успела осознать, что происходит. Мир резко подернулся дымкой, как будто на него наложили пожирающий краски фильтр: нет, краски остались, но они потускнели, а короткий всплеск силы полыхнул внутри меня так остро, что я чуть не задохнулась.

Не зря: щупальце, возникшее буквально из ниоткуда, взметнулось в каких-то миллиметрах от Люциана, петель захлестнуло шею, швырнуло на колени.

Все ахнули.

— В обморок вы не упадете, адепт Драгон, — неестественно-спокойно произнес Валентайн. — Вы просто упадете. И последним, что вы почувствуете, будет удар магии, о которой еще мгновение назад вы даже не подозревали по причине того, что... кто хочет повторить, почему?

Желающих повторять почему-то не было. Даже Драконова перестала улыбаться и сидела со своим обычным выражением лица а-ля «проглотила золотой скипетр». Что касается Валентайна, он смотрел на нас, но текущая с его пальцев черная дымка, сгущающаяся на шее Люциана петель, даже не думала таять.

Тем не менее он поднялся и выпрямился, ноздри принца раздувались от ярости, в глазах набирало силу темнеющее от магии раскаленное золото.

— Я...

— Вы уже поговорили сегодня, адептка Ларо, — хмыкнул Валентайн, пригвождая меня взглядом к месту. — А вот ваша соседка Миллиана Экторд вполне может ответить на мой вопрос. Правда?

Я в ужасе взглянула на Люциана: на его пальцах роились золотые искры, а в следующее мгновение золотой шар, напоминающий крохотное солнце, уже полетел в Валентайна. На этот раз аудитория не просто ахнула, она взвыла, как болельщики на стадионе, а «солнце» ударилось о невидимую стену, разошедшуюся трещинами, как старая посуда, и осыпалось бессильными искрами вниз.

— Нет? — как ни в чем не бывало поинтересовался Валентайн. — Тогда вы, Невстариан Экторд.

— Э-э-это связано с тем, что она чужда нашему миру? — произнес явно шокированный случившимся Невс. — С тем, что ее можно поймать только в момент проявления.

— Хорошо. Вы меня слушали. Есть еще какие-нибудь теории? — голосом Валентайна можно было крошить камни и лед, последнее было бы очень в тему, потому что в аудитории резко похолодало. Я не одна это чувствовала, видела, как ежатся девчонки, даже парни застегивали форменные пиджаки.

Но кроме этого происходило кое-что еще.

Удавка на шее Люциана становилась все плотнее, плотнее, плотнее, сгущаясь, сдавливая его шею как жесткий стремительно уменьшающийся в размерах воротник.

Я буквально чувствовала, как набирает силу эта черная мощь, пропитывая и отравляя собой каждый сантиметр воздуха и пространства. Почему этого никто больше не чувствует?! Почему они все такие спокойные?

Даже сам Люциан?

— Тогда я расскажу сам, — Валентайн снова в упор посмотрел на меня. — Как правильно заметила адептка Ларо, источник темной магии — Смерть. То, что мы не видим и не можем почувствовать до тех пор, пока оно не проявится. Это значит, что темная магия рождается в подпространстве — за той самой гранью, откуда возвращаются немногие. А те, кто вернулся, уже никогда не станут прежними именно потому, что они соприкоснулись с самой ее сутью. Эта суть способна проникать в нас незаметно, способна разорвать изнутри или обратить наши органы в тлен. Когда мы даже об этом не подозреваем. На ровном месте. Или, напротив, создать вокруг нас вакуум, лишенный воздуха. Лишенный жизни. Лишенный всего.

В меня ударило тьмой. Точнее, ударило не в меня, в Люциана, но я почувствовала это настолько остро, как если бы вокруг меня возник купол, мерцающий пепельно-черными искрами.

Купол!

Мерцающий пепельно-черными искрами!

Перед глазами вспышкой раскрылось воспоминание, как нас — меня и Соню накрыло этой пугающей дрянью, и такой же дрянью сейчас накрывало Люциана. Но кажется, этого никто кроме меня не видел. Люциан тоже, он просто побелел, вцепившись пальцами в стягивающуюся на его шее удавку, которая зашипела от прикосновения, как змея, и принялась плевать тленными искрами.

— Хватит! — я сорвалась с места, влетела в контур. С моих пальцев определенно тоже что-то сорвалось, и я услышала гулкий хлопок, как будто лопнул огромный мыльный пузырь. От него на миг заложило уши, а после я ударилась о горящий непроглядной черной сутью взгляд Валентайна.

— Адепт Драгон. Адептка Ларо. Вас я тоже буду ждать на отработке.

Да жди, жди. Я вылетела из кабинета, если так можно выразиться, вцепившись в Люциана, вглядываясь в его лицо. Пальцы у него были просто ледяные, если не сказать мертво-холодные, губы — белые, а в глазах...

— Люциан, — позвала я. — Люциан, тебе надо к целителю.

Он перевел на меня взгляд. Мамочки, я таким его никогда не видела! С запавшими глазами, обведенными черными кругами.

— Ларо, — прохрипел он. — Помоги мне дойти до своей комнаты. Никто не должен видеть меня таким.

Глава 3

Тяжелы нынче принцы в драконовых королевствах.

Так я думала, пока тащила Люциана буквально на себе до его люксовых апартаментов. Думала именно так еще и потому, что если не буду сейчас акцентироваться на сарказме, просто сойду с ума от ужаса. Пару раз мне казалось, что он реально упадет, но когда я заикалась про целителя, этот королевский баран, то есть дракон, шипел как рассерженный кот:

— Нет, — и продолжал переть вперед на чистом энтузиазме.

И на мне. Немножечко. Самую малость.

К счастью, все когда-нибудь кончается: не только хорошее, но и дорога по коридорам Академии, которую мы с горем пополам осилили втроем. Я, Люциан и Эвиль, подсказывающая мне, куда завернуть, а куда лучше не сворачивать. Стоило нам оказаться внутри, Люциан отпустил мою руку и плечо, нетвердой походкой дошел до постели и рухнул на нее. Лицом вниз.

Э-э-э...

— Люциан, — я приблизилась, перевернула принца на спину — не без усилий.

Грудь тяжело вздымалась, лицо было белым, как снег. Но кажется, он все-таки спал. Просто спал. Если я правильно помню из того, что читала, у светлых драконов, особенно с королевским наследием, самоисцеление происходит само по себе, и чем глубже сон, тем лучше. Чувствуя странную дрожь во всем теле, я доползла до ближайшего кресла, устроившегося на пару со своим близнецом рядом со столиком, и на манер Люциана рухнула в мягкие объятия светло-синей обивки со стальными узорами. С высоты своего положения, то есть с портрета на меня взирал Ферган в драконоформе, и я показала ему язык.

— На что уставились, ваше королевское наисветлейшество? — буркнула я и отвернулась.

Что ж, теперь мне представилась возможность рассмотреть комнату принца получше и при дневном свете. Помимо синих и стальных оттенков, здесь присутствовали коричневый и зеленый. Такие истинные мужские цвета, создающие мрачность даже несмотря на солнечный день. Впрочем, гораздо больше мрачности создавал Валентайн Альгор, и сейчас, когда меня уже относительно начало отпускать от напряжения, я понимала, что начинаю звереть.

Нет, не так.

Драконеть, несмотря на полное отсутствие в моей родословной драконов.

Он же убить его мог! Ну если не убить, то покалечить точно.

Самовлюбленный нарциссичный садист без тормозов он, а не архимаг. Права я была, когда говорила, что педагог из него полное днище. Ему не в академиях, а в тюрьме строгого режима надо работать, или в исправительных колониях. От ярости даже начало покалывать кончики пальцев, заодно вернулась та странная энергия, которой я зарядилась во время физподготовки.

И что теперь?

Люциан это просто так оставит? Да разумеется, он оставит. Ему признаться в том, что Альгор чуть его не придушил, как сесть голый задницей на муравейник — гордости больше, чем мозгов! Он скорее позволит Валентайну себя приложить еще раз, чем захочет, чтобы все узнали, *насколько* тот его приложил. И, могу поклясться своей пятой точкой, Валентайн это прекрасно знал. Поэтому и сделал все это. У меня на глазах!

Так, Лена. Давай, дыши, дыши и не думай о том, как тебе хочется вернуться обратно в аудиторию и сказать Альгору все, что ты о нем думаешь.

Я перевела взгляд на Люциана, и это мне помогло. Дышал он, судя по тому, как ровно поднималась и опускалась грудь, уже не так тяжело, и это меня успокоило. Поднявшись, я приблизилась и попыталась втащить его на кровать, на эту самую кровать не залезая. Куда там! Во сне или в целебной отключке, как будет правильнее, принц потяжелел еще больше,

полностью расслабившись. В итоге я плюнула, сбросила туфли и забралась на драконопринцеву постель.

Приподняла его плечи, засунув руки подмышки. Поднапряглась.

Э-эх, дубинушка, у-у-хнем! — заиграла в голове музыка-воспоминание.

Не знаю насчет дубинушки, а принц «вползал» на кровать крайне медленно и неохотно, по миллиметру. Вместе с принцем задиралось покрывало, на котором он лежал, что существенно осложняло процесс. Когда ноги принца уже почти по колено были на постели, я решилась на последний рывок. Глубоко вздохнув, резко дернула Люциана на подушки, но немного не рассчитала, и упала на них сама.

Сверху предсказуемо упал Люциан.

М-да. Вот так кому расскажешь, что меня придавило принцем — не поверят, да еще и популярно объяснят, что радоваться надо. Поскольку в мои планы именно сейчас не входило радоваться, я попыталась из-под Люциана выползти, и почти выползла, когда дракон повернулся прямо во сне. На бок. Закинув на меня руку и ногу и притягивая к себе.

Абзац.

Я начала из-под этого самого абзаца остороженько выколупываться, но Абзац недовольно зарычал и, не просыпаясь, притянул меня плотнее к себе.

Это что еще за новости?!

Подождав, пока драконье высочество потяжелеет еще сильнее, читай, снова расслабится, я предприняла вторую попытку. Тщетно. Только дернулась в сторону, сзади раздалось рычание, и меня притянули обратно. Еще плотнее, хотя, казалось бы, плотнее уже некуда. Я даже вывернула шею, чтобы убедиться, что Драгон спит, и он действительно спал. В инструкциях у драконопринцев, что ли, прописано, даже во сне добычу не отпускай?

Понимая, что следующая попытка отползти закончится чем-то совсем непристойным, а точнее, меня просто вплющит в принца, причем во все места, включая самые интимные, а моя пятая точка окажется у него между ног (буквально), я расслабилась. Смотреть на портрет Фергана, по-прежнему пытающегося испепелить всех своим взглядом, в такой ситуации было бы как-то странно, поэтому я принялась считать звездочки. Большинство моих знакомых, когда требовалось заснуть, считали барашков или овец, а я считала звездочки. Этому меня научила мама: когда я была совсем маленькой, она говорила, что каждая посчитанная мной звездочка от счастья горит ярче и дарит много-много радости людям.

Сейчас я, вообще-то, засыпать не собиралась, а мысли про маму отозвались какой-то удивительно светлой грустью. Теплой, уютной, домашней. Люциан был горячим, как печка, а еще нас двоих окутало золотое свечение, и это, пожалуй, было последним, что я запомнила. Это, а еще двести шестнадцатую звездочку...

— Ты что тут делаешь?! — да, не таким каждая девушка представляет свое пробуждение в объятиях прекрасного принца.

Совершенно неромантично зевнув, я села на постели и обнаружила, что за окнами уже давно темно. Разве что сидящий рядом Люциан светился от своей золотой магии и от ярости.

— Всегда пожалуйста, — сказала я, намереваясь сползти с постели, но он перехватил меня за запястье.

— Куда собралась?!

Не драконий принц, а одна сплошная логика.

— Так что я тут делаю или куда собралась? — вспомнив все, что случилось, я вгляделась в его лицо. Свеженькое такое, бодренькое, привычно смуглое и без естественного макияжа под панду.

— И то, и другое, — произнес Люциан, раздувая ноздри.

— Ладно, начнем по порядку. Когда я втащила тебя на постель, ты на меня упал, притянул к себе и отпускать отказывался. Как порядочная девушка я пыталась выползти из твоих

объятий, но драконий захват оказался крепче морского узла. Это достаточно исчерпывающая информация для тебя, или нужны детали?

Он скривился:

— Ты когда-нибудь перестаешь фонтанировать сарказмом, Ларо?

— Да, когда фонтанирую скепсисом. В целом ничего, терпимо, — я сложила руки на груди, — до тебя вообще никто не жаловался.

— Ты хотела сказать, Альгор?

Вот лучше бы он молчал!

— Альгор ко мне не имеет никакого отношения!

— Да неужели?

— Ужели! А кому-то сегодня просто не нужно было его провоцировать.

— Я как-нибудь сам разберусь, кого мне провоцировать, а кого нет!

В этот момент на меня снова разом обрушились воспоминания — тот купол, который я видела на поляне, Соня, и тот, что я видела в аудитории — немногим меньше, но такой же жуткий, пугающий, смертоносный. Все это захлестнуло меня, как удавка Альгора, и, кажется, грозило выдавить из легких весь воздух. Поэтому я с силой оттолкнула Люциана и вскочила.

— А знаешь что?! Ты прав! Провоцируй кого угодно и сколько твоей душе захочется. Только когда в следующий раз соберешься это делать, делай это без меня и сразу рассчитывай обратный путь до своих апартаментов и приблизительный способ передвижения. Например, драконий принц-гусеничка. Уверена, в Академии будет сенсация!

Глаза его полыхнули так, что никакого дополнительного света не нужно, еще и академический двор за окном наверняка осветил. Я же нагнулась, чтобы надеть туфли, а когда разогнулась, оказалась с Люцианом лицом к лицу. Ну или лицом к подбородку, что при нашем росте было наиболее верно.

— Можешь выставить мне счет за доставку, Ларо, — процедил он, чуть ли не выплюнул.

— Баран! — я изо всех сил ударила его в грудь, в ответ он перехватил мои запястья и дернул на себя. Я споткнулась о перекоsobоченное покрывало и упала в него. Точнее, на него, а обо что споткнулся Люциан, я не знала, потому что мы вдвоем снова рухнули на кровать.

К счастью для меня, на этот раз я оказалась сверху, поэтому рванулась.

— Пусти!

А в следующий миг уже оказалась на спине и под ним. Ладно бы только это, но драконобаран, а точнее, баранодракон опять меня поцеловал. Не так резко и грубо, как в коридоре перед аудиторией, но тоже внезапно, выбивая из груди воздух, сметая все крутящиеся в мыслях слова и остатки моего самообладания. Я же, неожиданно для себя, всхлипнула и разревелась.

— Э... Ларо? — он отстранился с таким недоумением, что мне захотелось дать ему по голове.

Вместо этого я снова ударила его в грудь сжатыми кулаками. Снова. И снова.

— Ты что?

Испугалась я за тебя, вот что!

Слова почему-то застыли во мне, в самой груди, отказываясь меня покидать, а вот слезы шли охотно. Градом. Будто вчера во мне сорвало какой-то предохранитель или краник открылся, который я замуровала на долгие годы в цементе напускного безразличия и спокойствия. Но Драгону, конечно, видеть это было вовсе необязательно, поэтому я села, стараясь не слишком сильно шмыгать носом и не размазывать слезы по лицу.

— Мне надо идти.

— Не надо тебе никуда идти, — Люциан неожиданно привлек меня к себе, так остро, быстро и внезапно, что я снова задохнулась, но уже совсем от других чувств. — Лен, ты как наваждение какое-то. Я с тобой рехнусь скоро, ты понимаешь?

Он плотно сжал губы, словно внутри него остались еще какие-то другие слова, как и во мне, и Люциан не хотел давать им свободу. Тем не менее он все-таки произнес:

— Помнишь, что я сказал в тот день? Когда собирался расторгнуть помолвку? Я говорил, что хочу с тобой встречаться, но вовсе не для того, чтобы все было естественно или чтобы нас не раскусил мой папаша. Плевать я на него хотел... Я просто хочу встречаться с тобой, Ларо. Хочу, чтобы ты была моей девушкой, по-настоящему. От и до. Хочу, чтобы ты была моей.

Кажется, я понимала. Я очень хорошо понимала, потому что сама чувствовала то же самое, и как оно так незаметно произошло — вот тут уже понятия не имею. Мы же и знакомы то всего-ничего, и после Земскова я клятвенно обещала себе ни в одного парня больше вот так, с головой. Но сейчас чувствовала, в этот самый момент, что правда готова попробовать. С ним.

Но до этого...

Люциан ждал ответа, а я не могла ему его дать. По крайней мере, пока не расскажу о том, что со мной происходит. Поэтому сейчас мягко высвободилась из его объятий и произнесла:

— Мне надо тебе кое-что сказать.

— О том, что такое баран? — произнес Люциан. — Или кто такой. Ты временами очень странно выражаешься, Ларо, но не поверишь, даже это мне в тебе нравится.

Почему же не поверю? Очень даже поверю, мне вот тоже нравится, что временами ты такой... баран. Правда, открыть рот и что-либо сказать я не успела, потому что он продолжил:

— Мама была беременна Нэв. Они с отцом были счастливы, и все шло хорошо. До родов оставалось несколько дней, может быть, неделя. В тот день у отца была встреча в дипломатическом дворце, собирались на обсуждение какой-то внеочередной политической суеты, а мой братец решил, что должен во что бы то ни стало научиться управлять своей темной сутью. Он пошел в комнату для тренировок и попытался ее выпустить. Рвануло так, что его чудом не разорвало на части, а сам он превратился в сгусток пульсирующей темной дряни, запертой в двенадцатилетнем парне. Меня не было во дворце, но те, кто были — видели жуткие ползущие по стенам тени и чувствовали этот дикий давящий холод. Я как сейчас помню эти рассказы. Тех, кого не зацепило сразу. Тех, кто остался жив.

Я замерла. Несмотря на тепло его рук, от его слов веяло холодом.

— Никто не мог к нему подойти, а отца не смогли дозваться сразу. Да он бы и не успел... счет там шел на секунды, и только мама решилась к нему войти. Рискуя собой, даже Нэв, она пошла спасать драхова Сезара от того, что он из себя представляет. Мама была сильной, поэтому она считала, что справится. Проявленная темная магия подвластна отражению, поэтому она сумела открыть портал. Поэтому даже смогла к нему приблизиться. Потом... потом рвануло второй раз. Когда она почти вытащила Сезара из этого.

Люциан говорил отстраненно, но по моей коже бежал холод. Такой же ледяной, как если бы я стояла в том дворце, там, куда не успела дотянуться Смерть — и чувствовала, как она заполняет меня собой. Не в силах что-либо выдавить, я просто накрыла его руку своей.

— Отец прибыл спустя пару минут. Сезар был в отключке, но жив, мама... мама все оставшиеся силы направила на спасение жизни внутри нее. Возможно, эта история поможет тебе понять, — на скулах его заиграли желваки, — почему я ненавижу темную магию и почему все и все, что с ней связано, вызывают у меня желание вцепиться им в глотку и рвать до тех пор, пока они не затихнут. Нет, я бы не бесился меньше, если бы рядом с тобой крутился любой другой, но Валентайн Альгор...

— Валентайн Альгор помог мне найти подругу. Точнее, узнать, что она умерла, — я вытолкнула эти слова хрипло, и, кажется, наконец-то в них поверила. Окончательно. — Соня была для меня как сестра. Мы выросли вместе. Она поддержала меня после смерти родителей. Она всегда была на моей стороне. Всегда, что бы ни случилось, даже когда я была неправа... Она помогла мне не сойти с ума, когда не стало мамы с отцом. Мы стали друг для друга кем-

то даже большим, чем сестры... я ни к кому больше не могла прийти со всем, со всеми своими темными сторонами. Только к ней.

А ведь Соне я бы не задумываясь рассказала про то, что внутри меня. Конечно, в переводе на нашу немагическую реальность, это звучало бы странно, но я знала, была уверена, что она бы поняла. Без лишних слов и вопросов.

— Потом так случилось, что мы расстались. Потом... неделю назад она исчезла. Я не могла ее найти и сходила с ума от того, что не знала, что случилось.

— При чем здесь Валентайн Альгор? — спросил Люциан. — Почему ты просто не пришла ко мне?

— Потому что в ее исчезновении была замешана темная магия. Она же ее и убила.

Кажется, во мне кончился бензин, потому что я замолчала. Не в силах даже пошевелиться, сделать или сказать что-то еще. Моя рука так же лежала на руке Люциана, и он ее не отнимал. Я же просто сидела и вспоминала ее улыбку. Ее смех. Все наши прогулки, все забавные эпизоды или даже моменты, когда мы ссорились. Я бы многое отдала, чтобы Сонька ко мне вернулась, и мы могли еще с десятков раз поссориться из-за какой-нибудь ерунды. А потом тут же помириться. Я многое бы могла рассказать о том, какая она была классная, но все это сейчас оставалось запертым во мне. Даже ее мечта — стать крутым фотографом и покорять мировые выставки.

Не знаю, сколько прошло времени до того, как Люциан глубоко вздохнул. Настолько глубоко, что этот вздох отозвался во мне и заставил сердце биться чаще. На его словах:

— Что ты хотела мне сказать?

Что я хотела ему сказать? Что я могла ему сказать? Сейчас, после того, как он рассказал мне о том, что темная магия убила его мать. О том, что его старший брат стал причиной ее смерти. О том, что его кровь отравлена ненавистью ко всему и ко всем, что так или иначе связано с темными.

Сказать ему правду сейчас — значит, разрушить все, что между нами было. И все, что еще могло бы быть, поэтому я глубоко вздохнула и ответила:

— Все, что хотела, уже сказала.

И правда, что тут еще добавишь? Мне безумно жаль, что так произошло с твоей мамой? Безумно жаль — это не совсем те слова, которые можно говорить в такой ситуации. Впервые в жизни мне не хватало и слов, и чувств. Или же наоборот, последних было слишком много? Поэтому я завозила в его руках и кивнула на дверь.

— Мне правда пора.

— Не пора, Ларо, — хрипло произнес он, сверкнув жадным голодным взглядом. — Сегодня ты остаешься у меня.

Глава 4

Люциан Драгон

Ленор Ларо — взъерошенная, немного сонная, такая искренняя и в кои-то времена не брыкающаяся в его объятиях — ради такого стоило даже пережить столкновение с Альгором в аудитории.

К Лозантиру Альгора!

К Лозантиру всех!

Значение сейчас имела только она: хрупкая, нежная и такая желанная. Правда, с «не брыкаешься» он явно поспешил, в ответ на его заявление девушка мгновенно ошетижилась.

— Снова приказываешь?!

Да, он привык приказывать, но с ней это не прокатывало. С ней вообще ломались все шаблоны и все, как он привык действовать, поэтому сейчас Люциан убрал прядку волос с ее лица, заправил за ухо и произнес:

— Нет. Я хочу, чтобы ты осталась. А ты?

Она широко распахнула глаза. В ее глазах можно было потеряться, да он и терялся уже. Неоднократно. Вот только сейчас, в отличие от всего, что было раньше, Люциан совершенно не хотел находиться.

Наваждение? Пусть продолжается.

Сумасшествие? Плевать.

Безумие? Или какое-то совершенно новое чувство, с которым он до встречи с ней был не знаком. Без разницы.

Все равно, если имя этому всему — Ленор Ларо.

Дуряя от ее близости, он всматривался в ее лицо, пока не увидел в глазах ответ. Хотя ответ был не только в глазах, Ленор бы сбежала от него, если бы хотела сбежать. Если бы не хотела остаться — сам Лозантир, снизошедший в мир, чтобы превратить его в тлен и темную силу, не смог бы ничего сделать. Она хотела остаться. И она совершенно точно хотела его.

Что-то изменилось.

Вчера? Сегодня?

Непонятно.

Неважно.

Ее тонкий аромат — горчинка трав, смягченная сладкими нотами, пряный оттенок, который он хранил в своей памяти со вчерашнего вечера — даже отчаянно злясь на эту девчонку, даже зверея при мысли о том, что Альгор может к ней прикоснуться, сейчас стал ярче. И Люциан подался вперед, с наслаждением вдыхая его, как воздух после длительного удушья. Никогда не замечал за собой особой сентиментальности, но в эту минуту слова «не могу тобой надышаться» приобрели особый оттенок. Неповторимый оттенок каждого вдоха с ее кожи.

— Люциан! Щекотно, — фыркнула она, когда он коснулся бешено бьющейся на шее жилки губами. А потом вцепилась в его плечи, напряженная — когда Люциан опрокинул ее в ворох подушек и смятого покрывала — с раскрывающимися алыми лепестками смущения на щеках.

Драхи!

Почему она даже краснеет так, что невыносимо хочется касаться каждого сантиметра кожи: губами, руками, языком — слизывать этот румянец с ее щек, с ее разгоряченного тела. Так невозможно, так остро, так сладко. Он и не выдержал, дыханием скользнул по шее, спускаясь ниже, повторяя треугольник выреза ее блузки поцелуями.

Десятки девчонок, желающих стать его — а он сходит с ума по одной!

Одетой в самую обычную академическую форму... На этой мысли он себя и поймал. На этой, а еще на том, как его губы сомкнулись на выступившей под тонким бельем и блузкой вершинке груди. Пальцы на его плечах сжались сильнее, а ее не то выдох, не то стон ударил в голову, и не только в голову. Ее юбка задралась, открывая ноги и бедра, и Люциан скользнул ладонью по нежной коже к белью.

— Люциан... стой! — Ее ладони уперлись в его плечи совсем не так, как ему хотелось бы. Нет, ему бы хотелось, чтобы она сорвала с него этот драхов пиджак, отбросила в сторону, выдергивая рубашку из брюк, но Ленор застыла под ним, напряженная, и он, чувствуя, как бешено грохочет в ушах собственное сердце, поднял голову.

— Что-то не так? — собственный голос упал до драконовых низин, странно даже, что это был голос, а не рычание.

— Нет, — ее тоже был низким. Немного хриплым. А на губе еще виднелся след от его укуса.

Его.

Укуса.

В ушах зашумело сильнее.

— Тогда что?

— Мне просто нужно время. Понимаешь?

Время? Да, он понимал. И не понимал тоже — она ведь его хотела. Хотела не меньше, он это чувствовал не только через ее усилившийся аромат, но и звериным чутьем, тем самым инстинктом, который в драконах позволяет определять свою эрими. Ларо не могла быть его эрими, ну и драхи с ним. Не нужна ему никакая эрими, ему нужна она.

— Нет. В чем дело?

— Это... тоже личное. Только мое. Когда-нибудь я тебе расскажу. Если тебе это будет важно.

Он запросто мог добавить. Сейчас — мог, сломать ее хрупкое сопротивление, врубив силу драконьей магии, не заставляя, нет — просто ее желание было очевидным, и оно могло раскрыться от его сути. Мог, ну а что дальше?.. Раньше ему было плевать. Он вообще не смотрел на своих партнерш — да, доставить девушке удовольствие мог и умел, но на этом все. Прислушиваться к их жеманству, кокетству, сопротивлению для разогрева было ни к чему.

Вот только с Ленор он был уверен, что она не играет.

Она не для вида сопротивляется, для нее это действительно важно, а для него важно, чтобы она хотела его в точности так же, как он хочет ее. До одури, до звона в ушах, до легкого помешательства. До того, когда в голове уже не останется ни единой мысли, не говоря уже о том, чтобы вот так упираться ладонями ему в грудь.

Поэтому он приподнялся, судорожно вздохнул и сел на постели.

— Есть хочешь? — спросил негромко.

— Я... да.

— Вот и я. Зверски.

— Но ужин уже закончился, — она взглянула на свой браслет.

— Для меня это не проблема.

Проблема в другом. А если быть точным, в штанах, которые стали невыносимо узкими. До боли.

— Сейчас закажу нам ужин, и в душ.

В ледяной.

Сбросив привычное сообщение: «Ужин. Как обычно», — Люциан поднялся и направился в ванную. Одежда полетела на пол: пиджак, рубашка, брюки, белье, сам он шагнул в сторону душевой, где, подчиняясь привычным бытовым заклинаниям, вокруг него материализовались матированные, не пропускающие воду стены, а сверху хлынула ледяная вода. Под потоками

которой Люциан зашипел как ошпаренный: драконы в принципе не любят холодную воду, хотя даже к тому же самому холоду их организм почти не восприимчив. Тем не менее это чисто драконьи предпочтения, что уж говорить о том, когда потоки ледяной жидкости впиваются в разгоряченную кожу, и...

Он вдавил палец в браслет, и вода перестала течь.

Вода, может, и перестала, а вот напряженно пульсировать ничего не перестало. Судорожно вздохнув, он уперся ладонью в стену, второй обхватил себя там, внизу. Содрогнувшись от самого простого прикосновения и от мыслей об этом. Даже просто от мысли о том, что он собирается это сделать.

Как какой-то лозантиров озабоченный подросток! В период гормональной бури.

У него никогда не было недостатка в девчонках, да ни с одной из них он бы просто не стал так церемониться, и уж точно не из-за одной из них он не стал бы...

Люциан сжал зубы, а потом представил ее. Раскрасневшуюся, с разметавшимися по подушке волосами, кусающую губы. Стонущую. Кричащую под ним.

Эта картина отозвалась острым болезненно-сладким спазмом, и он сильнее уперся ладонью в стену. Так, что казалось, по синему с серебром кафелю сейчас побегут впитывающие капельки воды трещины. Вода стекала и по его телу. Стекала и испарялась, кажется, не успевая сорваться вниз, как с падающих на лицо волос.

Дыхание срывалось, а воздух в замкнутой душевой прогрелся до такого, что, казалось, сейчас затрещит и вспыхнет. Что он сам сейчас вспыхнет, чтобы стать чистым драконьим пламенем, бьющим ввысь в ритме резких сильных движений руки.

До острого, прострелившего пах наслаждения, дрожью пульсирующего в ладони. Отдающего в плечо, как в рычаг, вливаясь в пальцы, способные, кажется, раскрошить не только плитку, но и замковый многовековой камень.

— Твоего ж драха, — все еще содрогаясь, выдохнул он, привалившись к стене. Если это только в фантазиях было так, то каково будет с ней?

Будет улетно.

А впрочем, улетно — не то слово.

Люциан по-быстрому принял душ и, обернув вокруг бедер полотенце, вернулся в комнату: Ленор стояла у окна, а, заметив его, тут же повернулась.

— Соскучилась? — усмехнулся он, глядя, как расширяются ее глаза, скользя по его груди к животу.

— Ты любишь ходить без одежды, я заметила, — фыркнула девушка.

— Сегодня я в ударе, но для тебя... — он взялся за полотенце, и Ленор вскинула руки:

— Вот без этого, пожалуйста!

— Без *этого* я буду не я.

Ларо фыркнула, но прокомментировать не успела: в дверь постучали. Люциан направился к ней и, резко выдернув пакеты из рук собиравшегося что-то сказать Ярда, захлопнул дверь прямо перед его носом.

— Так, что тут у нас? — поставив пакеты на столик рядом с креслами, он заглянул внутрь. — Разбираем.

— У вас тут тоже есть курьеры? — поинтересовалась Ларо. — В смысле, я имела в виду, посреди ночи в Академию работает доставка?

— Для меня нет ничего невозможного, — он усмехнулся, выкладывая коробки на стол. Как только они касались, поверхности, изменяли свою форму, превращаясь в тарелки, которые нужно будет отправить в магический утилизатор. Собственно, пакеты и представляли собой магический утилизатор, растворяющий все, что после еды окажется в нем под воздействием специального заклинания.

Ларо смотрела на творящееся на столе так, будто видела такое впервые. Возможно, и правда видела впервые — кто его знает, какой бюджет им с братом выделяет Хитар.

— Садись, — закончив с блюдами, Люциан отодвинул для нее кресло. — И приятного аппетита.

Ленор ела мало, а вот в него поместилась просто уйма еды. Такое ощущение, что внутри проснулась всепоглощающая бездна, которая никак не могла насытиться. Хотя была и другая: та, которая точно не могла. Глядя на подогнувшую под себя ноги девушку, Люциан не мог не думать о том, что хотел бы с ней сделать... и что сделает. После завтрашней обстоятельной беседы на тему всех ее «но».

На пакеты, с чавканьем поглотившие посуду и приборы, Ларо тоже смотрела широко раскрытыми глазами. А потом поспешно поднялась:

— Мне тоже нужно в душ.

— Мой душ всегда к твоим услугам.

Ленор вздохнула.

— Мне не во что переодеться.

Люциан хмыкнул и, поднявшись, подошел к утопленному в стене магически скрытому (чтобы не нарушать интерьер) гардеробу. Провел рукой, разрушая прячущее заклинание, распахнул двери.

— Выбирай. Мои рубашки тоже к твоим услугам.

Кто бы сомневался, что Ленор выберет самую длинную, которую Люциан обычно носил на выпуск. И кто бы сомневался, что она заберет ее с собой, а из ванной уже выйдет прямо в ней. Правда, тонкая ткань не скрывала упругой груди, просвечивающей заострившимися вершинками, и он даже глаза прикрыл.

Эта девчонка — сплошной ходячий соблазн!

Особенно когда вот так брови приподнимает:

— Ты что, будешь спать обнаженным?

— И тебе советую. Нигде ничего не жмет.

Она фыркнула и покачала головой. Потом все-таки забралась к нему. Поверх одеяла. На это уже Люциану захотелось фыркнуть, вместо этого он просто кивнул:

— Лезь под одеяло, Ларо. Обещаю не приставать, — получилось как-то очень серьезно, и еще серьезнее: — Не хочу, чтобы ты замерзла.

В ответ на это Ленор улыбнулась. Потом все-таки забралась к нему, и он мягко притянул ее к себе. На этот раз просто обнял.

То ли из-за сытного ужина, то ли из-за этой уютной близости веки снова стали тяжелыми. Люциан провалился в сон, так и не выпустив Ленор из объятий. Под стук ее сердца, отдающийся сквозь ладонь прямо в его.

Глава 5

Лена

— Вы переспали что ли? — поинтересовался Невс, за что получил тычок локтем под ребра от меня и убийственный взгляд от Люциана. Впрочем, убийственным он был скорее по привычке, таким довольным я его драконье высочество еще ни разу не видела. Он ухмылялся и разве что не мурчал, как довольный драконокот.

— Так что? — поинтересовался друг моего теперь уже парня, уплетая завтрак.

— Невс! — шикнула Милли.

— Да ладно! Тут всем интересно, — Лиллея сверкнула глазами.

Похоже, неинтересно было только Дасу. Его даже присутствие Люциана не смутило, он смотрел на завтрак и то с большим интересом, чем на происходящее, а на происходящее — с легкой снисходительной драконьей ленцой.

— Не ваше дело, — хмыкнул драконопринц, накрывая мои пальцы ладонью. — Но нет.

— Нет?! — это хоровое разочарование почему-то заставило меня улыбнуться.

Вчера, когда Люциан заснул, я готовилась к первой паре по драконьему языку (нас решили зарядить этим предметом по полной) и просматривала конспекты по истории. Мне как раз не спалось, поэтому по урокам и заданиям я прошла основательно, а еще с удивлением для себя обнаружила, что мне не хочется из постели сбежать. Не хочется отстраниться, отодвинуться, отползти или и вовсе потихоньку вернуться к себе. А засыпать, когда глаза уже начали слипаться, рядом с ним и правда было на удивление уютно.

Проснувшись я от бодрого голоса Эвиль, сообщившей мне, что пора вернуться в свою комнату за учебниками, а вместе со мной проснулся и Люциан. Я едва успела выскочить из постели, пока меня не поймали, и, показав ему язык, сказала, что мне нужно успеть собраться. Судя по взгляду, которым драконопринц меня наградил, выскочила я вовремя: рубашка едва прикрывала мне бедра и в целом не настраивала на учебный лад. Зато с утра Люциан уже выглядел отлично и, что самое главное, чувствовал себя тоже — видимо, целительной силы двух снов хватило сполна.

Сейчас я могла в этом окончательно убедиться: он уплетал завтрак с таким аппетитом, что ему могли позавидовать все сидевшие за столом. Как и ночной ужин, в котором меня больше всего поразила самовозникающая и самоисчезающая посуда. То есть когда упаковка на моих глазах сначала приняла форму тарелок, а потом бесследно исчезла в пакетах, я поняла, что меня вряд ли удастся чем-нибудь еще удивить. С другой стороны, об этом мире я знаю не настолько много, чтобы зарекаться.

Друзья не спрашивали о вчерашнем, и, хотя все без исключения собравшиеся в столовой свидетели вчерашнего косились на него, остальным тоже хватало ума помалкивать. Хотя я не была уверена в том, что это умно, но и как разругать эту тему, тоже пока не придумала.

Лозантир бы подрал Валентайна Альгора!

— Не забудь сумку, — подмигнула Милли, когда я поднялась — до аудитории, где проходили занятия по драконьему языку идти было дольше, чем до полигона, где драконов гоняли на «Основах боевой магии». Друзья сказали, что вчера приносили ее мне, потом Люциану, но поскольку ни там, ни там им не открыли, смирились и решили, что вернут мои вещи с утра.

— Не забудет, — ответил за меня Люциан и, сгрузив в нее лежащие на столе пару книжек, которые мне посоветовала взять Эвиль, сам подхватил мою сумку. Перекинув через плечо, пояснил: — Я провожу.

Он провожал меня, а нас провожали взглядами: долгими взглядами, которые можно было истолковать по-разному, но мне не хотелось ничего толковать. Мне просто хотелось идти рядом

с ним и чувствовать тепло его ладони. Нет, разумеется, ни наша откровенность, ни мгновения, когда я сгорала в пламени его поцелуев и ласк, ни наша совместная ночь, когда мы оба спали, ничего не меняла — ни случившегося на занятиях, ни моей темной магии, ни решения обо всем ему рассказать. Просто говорить о таком после рассказа о его матери я не видела смысла. Мне все равно придется поднять эту тему снова, но я выберу такой момент, когда смогу нормально все объяснить. Без эмоций, и чем скорее, тем лучше.

Тем более что сейчас мне казалось, что Люциан все поймет.

— Удачи на занятиях, Лен, — остановившись возле аудитории, он привалился плечом к стене, но сумку мне отдавать не спешил.

— Не хочешь, чтобы я познавала тайнства вашего языка?

— Не хочу тебя отпускать. Особенно после такого утра.

Сегодня под голос Эвиль мы и правда проснулись в объятиях друг друга. Если вчера днем Люциан изображал дракона, поймавшего свое сокровище, то сегодня утром сокровище отомстило и поймало дракона. В смысле, когда мы оба открыли глаза, мы лежали лицом к лицу, моя рука была на его талии, а нога — на его бедре. Возможно, именно этот факт дал мне стратегическое преимущество и вынес из постели драконопринца с удвоенной скоростью. Вовремя и к счастью, потому что как только я об этом вспомнила, сердце забилося как-то очень неровно. А еще слегка бросило в жар.

— Утро было хорошим, это правда, — произнесла я, глядя ему в глаза.

— А было бы еще лучше, если бы кто-то не сбежал.

— Если бы кто-то не сбежал, мы бы опоздали.

Он усмехнулся:

— Сегодня вечером мы точно никуда не будем опаздывать.

Сказано это было многообещающе: с рычащими, низкими интонациями — и с таким говорящим взглядом, прокатившимся по мне бессовестным обещанием, что я быстренько сдернула сумку с его плеча.

— Удачи с боевой магией, — хотела уже скользнуть в аудиторию, но Люциан перехватил меня за талию.

— Что я говорил? Только и делаешь, что сбегаешь, — почти укоризненно произнес он, а потом дотронулся губами до моих губ, мягко их раскрывая в коротком, но удивительно чувственном поцелуе. — Вот теперь все. Иди.

— Можно, тэрн-ар Драгон? — не удержалась от шпильки, в ответ Люциан только усмехнулся и приподнял брови.

Я же вывернулась из его рук и наконец-то вошла в аудиторию, стараясь не улыбаться так же широко, как... Драконова.

Не улыбаться не получалось. Улыбка будто приклеилась к моим губам, а точнее, их уголки словно кто-то тянул за ниточки при воспоминаниях о вчерашнем вечере-ночи и сегодняшнем утреннем пробуждении. Сама не представляла, что так могу — после Земскова мне казалось, что я никого из парней к себе на пушечный выстрел не подпущу.

— Привет, — опустила уже привычно на место рядом с Ярдом и девушками. — Как дела?

— Привет! — отозвались Дана с подружкой.

— Привет. Да нормально, — буркнул парень.

— Не выспался только, — хихикнула Дана. Ярд наградил ее тяжелым взглядом, но ответить ничего не успел: по коридорам прокатился рык, и в аудиторию шагнул преподаватель.

— Naverrar rashedor, draemrt[1], — сообщили нам уже привычно. — Etraem dert arhenn tu verder ginn nowlern etr aviern newirres, bet gour vicht nei rrianrt. Ne enlendr chelt poiler duvvis toaundor pe lovati toin.[2]

— Его нужно было назвать не магистр Доброе утро, — шепнула Дана. — А магистр Начни с порога.

— *Velest Lo Dragonerr, draemri Stenna*. [3]

Дана густо покраснела и чуть не сползла под стол, а Ярד укоризненно на нее посмотрел: забыла, что ли, какой у драконов слух? Магистр тем временем прошел к кафедре и заклинанием активировал местную доску. По всем параметрам она больше всего напоминала голографические схемы из фильмов про шпионов или про супергероев, в частности, из Вселенной Марвел. На ней автоматически возникали задания, а тем, кому повезло оказаться у доски, предстояло решать и показывать на примерах, управляя легкими заклинаниями перемещения слов, замены букв или же добавления времен и тех самых особых оборотов драконьего языка.

Этими особыми оборотами назывались фразы, которые не поддавались никакой грамматике, временами с измененными вне правил окончаниями, и так далее. Увы, какой-то логики во всем этом не было, поэтому, как и в случае с английскими неправильными глаголами, или как в старом бородатом анекдоте, это было из разряда «объяснить это нельзя, это нужно запомнить».

Запоминать там, к слову, было что: за долгие тысячелетия драконы наплодили в своем языке более тысячи «особых оборотов». Мы начинали с простейших, но даже на простейших мозг можно было свернуть.

Магистр пробежался взглядом по присутствующим, пальцы его легко покоились на уголке кафедры. В глазах вспыхивали и гасли небольшие золотистые искорки на фоне привычного цвета драконьего пламени, и я невольно задумалась о его происхождении. Если неразбавленное золото — цвет магии королей, то этот дракон явно занимает какое-то высокое положение. Или нет? Стал бы высокородный дракон — зная об их самомнении и прочем, преподавать в Академии? С другой стороны, Альгор преподают.

Не преподает, а милостиво согласился.

— *Draemri Drakonova*.

София Драконова изящно поднялась и так же изящно и грациозно спустилась по лестнице к шпионской доске. То есть к магической доске.

«Забыл вчера тебе насчет театральной команды напомнить», — всплыло сообщение от Ярда. Заметное только для меня. Кто бы мог подумать, что в магическом мессенджере есть «приватный режим»: когда слова или картинки, или что там хотят отправить, видны только мне. То есть конечно опытный маг преподаватель его сразу почувствует и раскусит на экзамене, но вот так на занятиях общаться — самое то.

Я убрала руки под стол и опустила глаза, чтобы написать ответ. Магическое перышко полыхнуло легко, не привлекая к себе внимания, а я, не особо прислушиваясь к болтовне Драконовой и тому, что она там говорила про особые обороты, написала: «Ничего. После Драконьего поговорим». Собиралась уже развеять перышко и «вернуться» в аудиторию, когда мне пришло еще одно сообщение. На этот раз от Люциана с подписью:

«Готова к огню, Ларо?»

Огнем оказалась магическая гифка, где его драконье высочество задирало и опускало майку, показывая свой идеальный пресс. Литой, с четко обозначенными под кожей мышцами. Этакий магический бумеранг определенного содержания.

Почувствовав, что краснею, а губы снова растягиваются в улыбке, смахнула магвидео в глубины неиссякаемой памяти Эвиль и написала: «Буду любоваться сегодня ночью, а пока я на занятиях».

«Сегодня ночью тебе будет некогда любоваться».

У них там основы боевой магии отменились, что ли?

— *Draemri Laro*, — взгляд магистра уперся в меня. — *Noetra valassarn asdelo* [4]. *Ot vial gret?*

На меня посмотрели все: начиная от стоявшей у доски Драконовой, управляющей особыми оборотами и уже почти полностью составившей отчет по домашнему заданию, до всех присутствующих даже на «галерке». Я спиной чувствовала иголки взглядов. От полного и безоговорочного провала, как сказал бы Штирлиц, спас стук в дверь. Магистр нахмурился, но все-таки взмахнул рукой, размыкая запечатанную магией аудиторию. Ага, значит, с пожарной безопасностью у них все в порядке, просто «ключи» выдаются исключительно магистрам.

Стоило раздаться привычному легкому щелчку, как в аудиторию влетел невысокий молодой человек, настолько кудрявый, что волосы у него на голове лежали как шапка. Второй отличительной особенностью были очки, как у Гарри Поттера. К счастью, молнии на лбу не было.

— Адептка Ларо! — он отыскал взглядом меня. Потому перевел взгляд на магистра. — Магистр Вьерд. Прощу прощения, но у меня распоряжения ректора Эстре. Адептка Ларо должна срочно явиться к ней в кабинет.

На этот раз магистр ответил не на драконьем:

— Разумеется.

— Ректор Эстре попросила, чтобы адептка Ларо взяла свои вещи.

Что?!

Взглядов, устремленных в мою сторону, стало больше, а по коже пробежал пренеприятный холодок. Чем я вообще могла не угодить ректору? Особенно так, чтобы меня забирали с занятия с вещами?

Магистр кивнул, все остальные продолжали на меня пялиться, а я подхватила сумку. Спустилась по лестнице к ожидавшемуся меня молодому человеку, разве что не подпрыгивающему от нетерпения.

— Вы не знаете, что... — начала было я, стоило нам оказаться за дверями, но он меня перебил.

— Не сейчас! — ткнул в свой магический браслет, открывая портал прямо посреди коридора, а после чуть ли не втащил меня туда, больно вцепившись пальцами в локоть. От столь резкого перехода я даже слегка пошатнулась, перед глазами замельтешили порталные искры, но уже в следующее мгновение я увидела стоящую напротив меня ректора.

В пламенно-алом костюме, с ярко-рыжими волосами, она выделялась на фоне своего просторного светлого кабинета, как разведенный в лесу костер.

— Свободен, Номбри, — сказала она, и парень тут же метнулся к дверям, чтобы скрыться за ними. Так быстро бегали только на занятиях по физподготовке, что же касается меня, я просто вросла в пол. Потому что, проследив за убегающим парнем, споткнулась взглядом о возвышающегося в кабинете ректора мрачным изваянием Лэйтора.

— Она ваша, гритт Лэйтор, — искривив красивые губы, произнесла Эстре. — Забирайте ее.

Что? Что-о-о?!

— Не смейте ко мне прикасаться! — я выставила вперед руку, как будто это могло меня защитить, но шагнувший было вперед Лэйтор заметно напрягся. Ректор тоже напряглась, я даже увидела, как разгорается в орехово-изумрудной радужке драконье пламя.

Они что, тут все с ума посходили?!

— Я требую объяснений, что здесь происходит, — поразительно, откуда в моем голосе возникла такая сила.

— Все очень просто, тэри Ларо, — голос Лэйтора стал чуть ли не медовым. Хотя нет, если бы мед мог прокиснуть, вот это было бы самое оно. — Ваша причастность к происшествию с темной магией не оставляет нам иной возможности, кроме как вызвать вас на допрос. Где, разумеется, мы все выясним, и, если вы не имеете никакого отношения к тому, что случилось, мы вас отпустим.

— Но мы уже это выяснили, — стараясь не проглотить собственное сердце, которое не желало сотрудничать с показным спокойствием, ответила я.

— В том-то и дело, что нет. У нас нет никакой конкретики. Кроме того, магистр Альгор помешал нам обстоятельно побеседовать.

При упоминании Альгора, или, я даже не знаю, того, что он «помешал нам обстоятельно побеседовать», лицо ректора Эстре скривилось еще сильнее, как если бы она хлебнула того самого прокисшего меда.

— Архимаг, — поправила я.

— Что? — переспросил военный.

— Архимаг Альгор.

Теперь уже скривилось лицо Лэйтора, и, кажется, их так и продолжит знатно перекашивать, если упоминать Валентайна. Остается только понять, как это может помочь мне. Думай, Лена, думай! Времени не так много.

В том, что его не так много, я поняла, когда Лэйтор достал наручники и шагнул ко мне. Серьезно?!

— Вы не имеете права... — начала было я, но меня перебили.

— Я имею все права, в том числе и на ваш арест, тэри Ларо, если вы будете сопротивляться. У меня приказ, подписанный Верховным архимагом, так что не усложняйте свою участь. Просто следуйте за мной.

— Я требую, чтобы мне предоставили адвоката.

— Чего? — кажется, мыслительный процесс Лэйтора зашел в тупик.

Да что ж за странное общество-то, а! Пожирающие самовозникающие тарелки пакеты они придумали, а об адвокатах не знают! Или они у них просто называются по-другому? Отступать было некуда, в смысле, за моей спиной стояла ректор Эстре, а впереди маячил Лэйтор с наручниками. Причем, судя по тому, как по металлу внутри узоров непонятной вязи прокатывались и гасли искры, наверняка антимагические.

Они же реально меня боятся!

Эта мысль пришла в то же мгновение, как Лэйтор шагнул ко мне, а между разведенных ладоней Эстре полыхнули две огненные молнии.

— Очень педагогично! — я не узнала собственный голос, он просто сочился сарказмом.

— Если подтвердится, что ты не имеешь никакого отношения к случившемуся, я лично перед тобой извинюсь, — хмыкнула Эстре, но что-то в ее хмыке мне совсем не понравилось. Кажется, я даже понимала, что: такие женщины не дают обещания извиниться, если имеют хотя бы капельку сомнений насчет того, что придется это осуществить.

В следующее мгновение на моих запястьях уже защелкнулись наручники, а спустя мгновение в кабинете ректора возник портал, который она же и создала.

— Удачи, гритт Лэйтор!

— Драха с два, — я узнала этот голос и едва успела вздохнуть с облегчением, как портал распался на две половинки, заискрил и схлопнулся. Люциан шагнул в кабинет ректора злой. Очень-очень злой, и я даже физически ощутила бьющую сквозь него ярость и тяжесть магии королевской семьи драконов. Ярость, отразившуюся в золоте его глаз и, кажется, даже замерцавшую на кончиках пальцев.

— Что вы себе позволяете?! — пришедшая в себя Эстре резко шагнула к нему.

— Встречный вопрос, — злой взгляд скользнул по ректору и уперся в Лэйтора, вцепившегося в меня, как оголодавший бультерьер в кость. — Потрудитесь мне объяснить, какого драха здесь происходит, и почему моя невеста в наручниках.

От магии Люциана разве что ректорский кабинет не полыхал. Эстре, например, сама полыхнула ярче, чем ее алый костюм:

— Что вы себе позволяете, адепт Драгон? — повторила драконесса уже резче.

— Сейчас тэрн-ар Драгон. И пока я жду объяснений, вам лучше снять наручники с Ленор.

Последнее относилось к Лэйтору, но его пальцы только сильнее сжались на моем локте.

— У меня приказ Верховного архимага, тэрн-ар Драгон, — раздувая ноздри, как паруса, он спокойно выдержал взгляд принца.

— Ты меня не услышал? — вкрадчиво поинтересовался Люциан.

— Ваша невеста подозревается в манипуляциях темной магией.

Если до этого Люциан просто смотрел на него, то сейчас шагнул вперед, оказавшись с ним лицом к лицу. Магией полоснуло так, что у меня даже голова закружилась, а ректор Эстре начало было:

— Я сейчас свяжусь с вашим отцом, тэрн-ар Драгон...

— Вон.

Это было сказано тихо, но с очень странными интонациями, из-за чего по кабинету прокатилась волна пугающей подчиняющей силы.

— Ты. Наручники снял и вышел.

Я не представляла, что это было, но Лэйтор действительно снял с меня наручники и вышел, судя по выражению лица, мысленно матерясь на местном так, что все его внутренние фиалки завяли разом. Эстре выходила, сохраняя остатки достоинства, но каким-то стопятидесятым чувством я поняла, что драконессе очень не по себе. Очень-очень не по себе. Дверь за ними закрылась, и Люциан в упор посмотрел на меня.

— Люциан...

— Это правда?

Лицо у него было страшным. Я никогда не видела у него такого лица — не перекошенного в злобе или бессильной ярости, как у Лэйтора, нет, застывшего непроницаемой маской, только в глазах раскалялось золотое пламя сильнейшей магии светлых.

— Я не знаю.

— Не знаешь? — вкрадчиво поинтересовался он. — Ты не знаешь, проводила ли манипуляции с темной магией, или нет? Не знаешь, использовала ли эту дрянь? Как так? Провалы в памяти? Или избирательное восприятие?

Вот теперь от него яростью фонило, как от костра жаром. Меня даже потряхивать начало от обрушившихся на меня всей силой драконовых эмоций.

— Нет. Я не понимаю, что происходит! На прошлой неделе я была в парке, и на меня напали... точнее, кто-то запустил в меня огненным шаром. Тогда все это случилось — то, о чем говорит Лэйтор, я просто вскинула руки, и меня закрыло сетью Грихмира.

— ЧТО? — Люциан произнес это как-то очень странно. Очень-очень странно, как если бы слово «что» можно было произнести по буквам с паузами в несколько секунд после каждой, то именно так оно бы и прозвучало.

— Я... — я глубоко вздохнула, пытаюсь унять бушующие в груди чувства, которых было слишком много — отчаяние, напряжение, желание все ему объяснить, даже странное, примешавшееся к ним чувство вины. — Я хотела тебе обо всем рассказать, но вчера ты сказал про маму, и я...

— Не смей упоминать мою мать, — это прозвучало как пощечина.

Я, собиравшаяся уже продолжать, осеклась, как если бы доступ словам просто магически перекрыли. Возможно, так оно и было, иначе как объяснить, что я ни слово вытолкнуть не могу, ни вдох сделать.

— Я тебе доверял, Ларо, — процедил он. — Ты это понимаешь?! Я. Тебе. Доверял.

Не знаю, что было больнее слышать, «доверял» в прошедшем времени или его голос. Он со мной никогда так не разговаривал и никогда на меня так не смотрел. Никогда. Ни разу в жизни, даже когда свои первые дни пребывания в этом мире я была всего лишь «сироткой»

и подставной невестой, до которому ему не было никакого дела. А было ли вообще? Или все то, что сказал Валентайн, правда?

«Если он хоть на мгновение что-то заподозрит — он тебя уничтожит. Он, его отец и твой Люциан».

— Я не лгала тебе, — все-таки вытолкнула из себя пустые, сказанные не своим голосом, слова.

— Да ну? — Люциан посмотрел на меня сверху вниз. — Не лгала мне тогда, когда не сказала о том, что произошло? А может, и на дуэли все было не так просто? Драконову едва откачали, Ларо. Не знаешь, с чего бы?

Он сжал кулаки и шагнул ко мне.

— Зато я теперь знаю. Решила пойти по стопам родителей и расставить приоритеты?

— Люциан, — тихо сказала я, — все не так. Просто позволь мне все объяснить...

— Нет. Мне достаточно того, что я услышал и узнал о тебе, Ларо. С меня хватит.

— Я не использую темную магию! — крикнула, запоздало вспомнив о том, что за эти дверями находятся Лэйтор и Эстре. Поэтому продолжала уже понизив голос до звенящего напряженного шепота, разрывающего грудь. — Она использует меня! Не знаю, почему, не представляю, как... я же рассказывала тебе про Соню! Думаешь, я бы стала заниматься тем, что ее убило? По собственной воле?!

— Нет. Я думаю, что ее убила ты.

Если бы он меня ударил, наверное, и то было бы не так больно. Возможно, именно поэтому в странном оцепенении я смотрела, как Люциан разворачивается к двери.

— Люциан, — позвала я. Не особо надеясь на то, что он обернется.

Он обернулся. Все-таки обернулся, хотя лучше бы не оборачивался. На этот раз маска непроницаемости дрогнула и пошла трещинами, обнажая разочарование, ненависть, презрение, и все это такой силы, что, ударив в меня, оно разлетелось осколками и вонзилось, кажется, в каждую клеточку моего тела.

— Мне плевать, что с тобой будет, Ларо. Что будет с твоей жизнью. Но если ты еще раз попытаешься ко мне приблизиться, ко мне или к моей семье — очень сильно пожалеешь.

Он вышел, распахнув двери с такой силой, что их створки жалобно громыхнули о стены. Вошедшие Лэйтор и Эстре явно были в полной боевой готовности, и помимо них в кабинет ввалились еще четверо военных. Я мысленно усмехнулась, а потом протянула руки, позволяя антимагическому металлу снова защелкнуться на запястьях. Все присутствующие вздохнули с облегчением, а я, удивляясь собственному сарказму, отравившему голос, произнесла:

— Еще одну минуту, гритт Лэйтор. Пожалуйста.

В наручниках это делать не особо удобно, но всем присутствующим мои манипуляции явно сделали нервы. А я всего-то снимала кольцо, которое положила на край ректорского стола.

— Это собственность тэрн-ар Драгона, — сообщила ректору. После чего повернулась и под конвоем Лэйтора и остальных военных шагнула во вновь открытый Эстре портал.

[1] Доброе утро адепты

[2] Сегодня мы начнем с проверки ваших знания по особым оборотам, а после перейдем к временам. В конце как обычно будет диктант по словарному запасу.

[3] Здесь на драконьем, адептка Стенна.

[4] Нам тоже интересно. Что у вас там?

Глава 6

Где-то капала вода: монотонно, отбивая свой ритм. Я сидела, уставившись на сцепленные на столе руки, запястья по-прежнему охватывал зачарованный металл. Ну или как он тут называется. Мне было все равно. Мне даже было все равно, что в темный каменный мешок, куда меня привели и где оставили, вот-вот войдет Лэйтор или кто-то еще. На самом деле мешок был не такой уж темный: его освещал тусклый магический шарик, который плавал под потолком туда-сюда. Очевидно, чтобы заставить меня нервничать, переживать, а при появлении хороших и плохих «полицейских» сдать с потрохами себя и всех кого попросят, признавшись в заговоре против короны, архимагов и во всем остальном.

Их проблема заключалась в том, что после случившегося волноваться не получалось.

Моя проблема заключалась в том, что у меня включилась заморозка. Такое уже было после разрыва с Земсковым, поэтому я хорошо помнила эмоции. Сначала на тебя обрушивается бетонная плита, и ты ничего не чувствуешь. Потом — дня два-три, кажется, что все норм, что ничего страшного не случилось. И ты даже начинаешь в это верить, ходишь, раздаешь гордые улыбочки, смеешься — картонно, напоказ, потому что смеяться не хочется, но ты же гордая. Зато потом тебя накрывает. Болью: так, что нечем дышать, отчаянием, когда кажется, что все кончено и осознанием того, что кое-что действительно кончено. Окончательно. Безвозвратно.

Я через все это прошла, и сейчас проходила снова.

Потому что обещала себе, что не буду больше влюбляться, но все-таки влюбилась. Обещала, что никогда ни перед одним парнем больше не раскроюсь настолько, но все-таки раскрылась. И ведь всего неделя прошла... или сколько там? Тогда почему я снова чувствую себя так, как под холодной бетонной плитой? Потому что у чувств нет сроков и ограничений?

Прерывая мысли, лязгнул засов. Дверь с интригующим скрежетом распахнулась, снова явив миру... то есть тьфу, камере и мне — Лэйтора. По ощущениям даже разжеванный целиком лимон, запитый концентрированным рыбьим жиром, сейчас бы не стер выражения довольства с его физиономии. Мне вот интересно, с чего он на меня так окрысился? Я что, спалила его любимые цветочки на газоне в Академии?

— Итак, тэри Ларо... — Дверь захлопнулась, заискрил запирающий магический контур. Военный прошел к столу, за которым я сидела — простенькому, металлическому. — Продолжим наш разговор.

Да мы его еще и не начинали.

Вслух я этого не сказала, зато спросила:

— Что, хорошего полицейского не будет?

Лэйтор остановился. Нахмурился.

— Кого? — переспросил он.

Тебя бы на стажировку в полицейскую академию в наш мир. Посмотрела бы я, как ты там будешь прыгать без магии.

— Неважно, — сказала я. — Важно то, что я не стану с вами говорить без моего защитника.

Про защитника он понял сразу: видимо, просто слово «адвокат» сбило.

— Вам не положен защитник, тэри Ларо. При учете того, что темная магия запрещена, на вас не действуют стандартные протоколы. Я имею право допросить вас один на один.

— А, — сейчас я поняла, что заморозка в данном случае — не проблема. Скорее, счастье, потому что когда стул Лэйтора мерзко скрежетнул ножками по сырому каменному полу, я даже не поморщилась. Нервы под внутренней анестезией в таких ситуациях очень кстати. — В таком

случае я имею право сохранять молчание. Потому что все, что я скажу, может и будет вами использовано против меня.

— Не дерзите, тэри Ларо, — гритт сцепил руки, отражая мой жест — тоже известный психологический прием, между прочим. — Я пришел поговорить с вами по-хорошему, по-доброму. Потому что прекрасно понимаю, что девочке вашего возраста легко оступить, особенно принимая в расчет ваших... гм, родителей.

По-доброму.

Я улыбнулась: моя первая прорезавшаяся улыбка по ощущениям больше напоминала оскал.

— То есть вы будете и хорошим, и плохим.

До Лэйтора начало доходить. Уж не знаю, какие у этого гритта умственные способности (подозреваю, что выше среднего, если он все-таки до гритта дослужился), но он нахмурился еще сильнее. Лимон не помог, Ленор помогла. Интересно, что было бы, глотни он «Ленор»?

— Вы, по всей видимости, не понимаете всей серьезности положения, тэри Ларо. В первую очередь вашего. Если вы не пойдете на добровольное сотрудничество...

— Вы будете меня пытаться, — подсказала я. Медленно расцепила пальцы, шевельнула ими, и заметила, как военный дернулся назад. — Правда? Будете? Адептку Академии Драконова?

— Молчать! — рявкнул гритт, багровея. Каким-то чудом его неприятное лицо не осветило камеру, как фонарик, не поползло по сырým стенам с выпуклыми серыми камнями красным светом.

— Вы же только что хотели, чтобы я говорила, — глядя на него в упор, приподняла скованные руки и резко опустила их на стол. Металл звякнул о металл. — Не хотите предоставлять мне защитника — не надо, но я требую, чтобы о случившемся немедленно сообщили моему опекуну архимагу Равену. До этого момента я больше не стану ни с кем разговаривать. Ни с вами, ни с кем бы то ни было еще.

Я откинулась на спинку стула и убрала руки на колени. Мне отчаянно хотелось бы испытать хотя бы сотую долю ярости, которой полыхал гритт Лэйтор. Разозлиться на него. Возненавидеть. Почувствовать презрение за то, что просто увел самую обычную ни в чем не повинную девчонку на допрос, не разобравшись в ситуации, но нет. Чувства внутри молчали, а вот холод — разрастался, грозя затопить меня целиком.

Незнакомый мне холод. Темный.

Наверное, именно так себя чувствуют те, кому нечего больше терять, и он тоже это понял. Видимо, прочел в моих глазах, или почувствовал, потому что голос его спустился до низин змеиного шипения.

— Вот как вы заговорили, тэри Ларо. Адептка Академии Драконова, говорите? Разве адептка Академии Драконова способна создать сеть Грихмира?

Да будь она проклята, эта сеть!

— Нет. Вряд ли. Такому не учат в Академии Драконова, — Лэйтор распалялся все сильнее, багровые пятна на его лице уже чередовались с белыми, и я в глубине своей бесконечной отстраненности подумала о том, не хватит ли его удар прямо здесь. — Зато у ваших родителей вполне могли остаться наработки. Вы были уже в сознательном возрасте, когда все случилось, и вполне могли получить какие-то инструкции от своей матери или отца. Вопрос в том, какие. Что они поручили вам сделать, тэри Ларо?

Не пообещай я молчать, расхохоталась бы ему в лицо. Это ж просто теория заговора какая-то: родители, собирающиеся убить Верховного Архимага, попались, но оставляют малолетней дочери инструкции и завет учиться темной магии. И она учится, растет, ночами втайне от всех практикуя темные знания, этакая Наташа Романова магического мира, чтобы... чтобы — что?

— Вы это сами только что придумали? — все-таки не удержалась. — Или перечитали шпионских авантюрных романов?

— Не смешно! — Лэйтор вскочил, стул отлетел в сторону, с лязганьем жалобно врезался в стену, чтобы там и упасть.

— Согласна, — сказала я. — Не смешно. Обычно официальные лица, совершающие арест, имеют при себе веские доказательства, которые могут предоставить, показания свидетелей, а не какие-то досужие домыслы в стиле желтой прессы или приключенческих историй.

В следующий момент Лэйтор обогнул стол и с силой вдавил ладонь мне в плечо.

— Ваш арест одобрен Верховным архимагом, тэри Ларо. Но вы никак не желаете осознавать серьезность ситуации. Придется вам ее объяснить.

Лэйтор рывком вздернул меня на ноги, из-за чего плечо прострелило болью, и я вскрикнула, а в следующее мгновение меня уже швырнули животом на стол. От удара о металлическое ребро из груди выбило воздух, в запястьях жалающими гранями врезались наручники. От шока потемнело перед глазами, и еще сильнее потемнело, когда ладонь Лэйтора поползла по моему бедру под юбку.

Вспышка!

Слабый источник света полыхнул и погас. Волны ледяной пугающей магии прокатились сквозь самую мою суть, Лэйтор выругался, а в следующий момент его от меня оторвало.

Именно оторвало, с такой силой, с какой могло бы выдрать стальной каркас из высотки каким-то чудовищным механизмом. Вторил этому звук — звук уже знакомой мне сигнализации, только на сей раз усиленный стократно, взорвал окружающее меня пространство.

Но даже сквозь него раздался отчаянный, полный боли вой, он прокатился по камере, заставляя меня съежиться на полу. Это большее, на что меня вообще хватило, а в следующий миг полыхнуло серебром, и я прикрыла ладонью глаза. На мгновение. Чтобы потом их открыть и увидеть...

Альгора.

Черные крылья. Заполнившие собой, кажется, всю камеру. Они врезались в камень, превращая его в шипящую тлеющую крошку, разрезая стены как раскаленный нож испаряет масло. Лэйтор болтался в воздухе. Точнее, он был пришпилен к стене и жалобно дергал ногами, вцепившись в сдавливающую его горло руку. Напитанный серебром воздух дрожал, как от жара, хотя на самом деле от холода. От смертельного противоестественного холода потусторонней силы магии темных драконов, пожирающего, казалось, саму жизнь.

— П-п-п-п... — это все, что получилось сказать у Лэйтора до того, как Альгор сильнее сдвинул руку. Он заговорил, но его голос тоже звучал... потусторонне:

— Как ты посмел. Дотронуться. До моей. Женщины.

Мужская ладонь уже совсем не напоминала человеческую, заполненная серебром чешуи с прорастающими из нее когтями. Лэйтор сдавленно захрипел — не знаю, как я это расслышала в крошечном вое сирены, но именно это заставило меня вскочить на ноги.

— Валентайн!

Или не Валентайн?

Обернувшийся ко мне мужчина, дракон, непонятно кто смотрел на меня... или в меня? Заполненными тьмой глазами, в котором не осталось ни белков, ни радужки. Серебро чешуи раскрасило скулы, стекая под тлеющий ворот.

— Стой. — Мне показалось, что он меня не услышит, и вовсе не из-за оглушительного звука, от которого захотелось зажать уши. Тем не менее я все-таки продолжила: — Пожалуйста. Остановись.

Миг, растянувшийся в вечность, показался мне каким-то слишком долгим. Или напротив — слишком молниеносным? Он развернулся, и я поняла, что это конец: в смысле, один взмах крыльев должен был располосовать меня, как капусту на разделочной доске, но ничего

такого не произошло. Таяла в воздухе дымка — там, где должны были быть темные крылья, серебро чешуи впитывалось в кожу, а его ладонь, которая только что чуть не раздавила Лэйтору трахею, теперь лежала на моей талии. В другой ситуации я бы сказала «ик», но сейчас просто провалилась. В раскрывшийся зев портала, в который мы шагнули вдвоем, или шагнул он, увлекая меня за собой.

Черный портал оказался другим: в момент перехода из меня словно выпили все силы, а на выходе замутило, как после безумной карусели. Я не успела даже вдохнуть, а меня уже подтолкнули к стремительно наполняющейся ванной.

Что?!

— Ты это сейч-час с-серьз-зно? — спросила я, глядя на местную джакузи в местном непонятно где.

— Серьезнее некуда, — его голос уже звучал привычно. — Ты аккумулируешь темную магию, и плюсом впитала еще часть моей. Если это не остановить...

Он не договорил, рывком сдернул с меня пиджак. Я бы попыталась сопротивляться, но со мной и правда творилось что-то странное: затопивший меня холод растекался по телу, пробираясь даже в волосы. Я на всякий бросила взгляд в зеркало вдали — не превращаются ли они в снег, но увидела там только девушку с безумным, горящим серебром, взглядом и мужчину, который ее раздевал.

— А это...

Я взглянула на наручники, которые искрились, как неисправная проводка.

— А, это, — насмешливо произнес Валентайн. — Местная антимагия не способна сдерживать силу темных. Но если им так проще, не стоит их разочаровывать. По крайней мере, я не стал.

О... о чем он?

В следующий момент мне стало не до наручников, потому что цепь хрустнула и развалилась, я увидела полуразложившийся металл, а от браслетов меня избавил уже Валентайн. Это была последняя осознанная мысль, потому что дальше он избавлял меня уже от белья.

— Не смей! — зашипела, вцепившись ногтями в его руку.

Моя рука тоже как-то странно засеребрилась, и я ее испуганно отдернула.

— У меня нет времени на реверансы, Лена. Точнее, его нет у тебя. Залезай.

То ли то, что он впервые назвал меня именем, которое знал уже фиг знает сколько, то ли то, что со мной творилось, а может быть, все вместе взятое, считая властный приказ, заставили меня все-таки залезть в ванную. Там было тепло, и я даже забыла о том, что плаваю тут как обнаженный обед для черного дракона, начала соскальживать в сон...

Вода выплеснулась через края, и в следующий момент я поняла, что лежу уже не на гладкой поверхности, а на Валентайне. Забилась в его руках, но он только крепче прижал меня к себе:

— Я тебя не трону. Одежда мешает восстанавливать энергетический контур и успокаивать магию.

Успокаивать?! Магию?! Это меня тут надо успокаивать, а не магию!

— А вода для создания романтической обстановки?

Со мной определенно что-то творилось, потому что меня бросало то в жар, то в холод, перед глазами все плыло, а позвоночник казался новогодней гирляндой, которую подключили к неисправной розетке, предварительно несколько раз скрутив, вытянув и опять скрутив.

Так же скрутило и меня. От боли. Я выгнулась, хватая ртом воздух, и только ладони Валентайна, удерживающие меня, не позволили что-то себе свернуть.

— Вода — идеальный проводник и отличная среда для сброса излишков магии, — пояснил он, он вообще сегодня на удивление много говорил — не о том, что хочет меня или хочет

меня трахнуть. Его голос казался гипнотическим, и в нем я тонула, только он, кажется, спасал от ледяного выжигающего тела холода. — Все будет хорошо, девочка. Потерпи.

Перед глазами дрожал какой-то совсем другой мир. Новый, которого я не знала — раскрашенный серебром и тьмой, и в этом мире я чувствовала, как Валентайн крепко прижимает меня к себе. В этом мире все это было настолько правильно, настолько естественно, что отступила даже боль, на смену ей пришло дикое, непонятное чувство. Дрожащая во мне магия сгущалась, становилась плотнее, как будто меня заполняло ртутью, а потом... в нее ворвалась черная, насыщенная, яростная сила, и я задохнулась от этого слияния и единства.

Содрогнулась, словно сквозь меня пропустили ток, а вода из ванной взмыла в воздух.

Это было даже красиво, по-настоящему — весь поток обратными водопадами, струями, каплями — тянулся ввысь к потолку, и в нем отражалось серебро моих и тьма его глаз.

Что-то внутри лопнуло, словно взорвалось, меня окатило безумным, сравнимым с каким-то потусторонним наслаждением жаром, и в лицо полетели шипящие испаряющиеся в воздухе брызги.

Бульк.

Это я сползла в воду. Новую. Которая закрутилась вокруг нас почти сразу же, как магический водоворот.

Мысли стали вялыми и ленивыми, а я бы изобразила рыбку, если бы Валентайн меня не подхватил. Оказавшись над водой, я инстинктивно крест-накрест закрыла руками грудь, и его ладони немедленно накрыли мои пальцы прямо на моих плечах.

— Отпусти-и... — так мог бы разговаривать муравей. С тем же успехом и с той же громкостью, я сама едва расслышала, что сказала. Если вообще сказала это вслух.

Лежать на Валентайне не входило в мои планы, особенно учитывая, что он тоже был голый. Полностью. И я чувствовала под ягодицами его... огурчик? Морковку? Нет, кабачок. Ладно хоть не патиссон.

Горячий патиссон...

То есть тьфу, кабачок.

Хотя какая разница. После того, что сейчас между нами было — а что было? Его магия вошла в мою? — как порядочный темный дракон он все равно обязан на мне жениться.

подавив желание хихикнуть, я завозилась в его руках. Что-то зашипело, меня снова окунули в воду. Потом по мне чем-то возили: чем-то мыльным и шершавым. Потом поставили на ноги. Мне не стоялось, я начала заваливаться, и меня мгновенно куда-то усадили. Мокрые волосы стали сухими, я тоже стала сухой, в смысле, завернутой в какой-то теплый уютный кокон. А после мир поменял плоскость и под щекой оказалась прохладная гладкая наволочка мягкой подушки. Я обняла ее, и все остальное стало уже неважно.

Глава 7

Люциан Драгон

Сказать, что настроение было отвратным — значит, ничего не сказать. На занятия он не вернулся, прямо из приемной Эстре открыл портал в город и схлопотал еще один штраф. Да пусть подавятся. Так он и сказал стражу порядка, который мгновенно изменился в лице и посуровел.

«Выкуси», — хотелось добавить Люциану, но вместо этого он криво усмехнулся и ушел. Драки на улице ему только не хватало для полного счастья. С каким-то стражником. Человечишкой. Возомнившим себя драх знает кем.

Подражаться очень хотелось. Так, что нестерпимо зудели лопатки, а флер призрачных крыльев несколько раз порывался вспыхнуть за спиной, Люциан чувствовал эту силу дракона. Правда, с тем, с кем хотелось подражаться, драться было бессмысленно. Он его укатает в мостовую и не поморщится, и осознание этого бесило еще сильнее. Настолько, что он до скрипа сжимал зубы и до побелевших костяшек кулаки.

Лозантирова Черная тварь не просто так рядом с ней нарисовалась. Нарисовался. Он наверняка все знал. Он-то уж точно все знал, и она — знала, что Альгору все известно, но ему, Люциану, не сказала ни слова. Да и драхи с ней. Пусть катится в темную бездну вслед за прародителем всего этого дерьма. Яйцо от дракона недалеко лежит, вот и Ларо такая же, как ее мамаша. Нечего было ждать от выроodka заговорщиков. Чего он вообще ждал? Высоких чувств? Привязанности? Смешно.

Она прицепилась к нему, чтобы прикрыться его спиной, но вовсе не потому, как изначально подумал Люциан. Именно потому, что была связана с темной магией.

Он шлялся по городу невесть сколько, до темноты. Вернулся не в Академию, в родительский замок, сразу же, первым делом направился в погреб. Дорнар-скар, он же драконье пламя, не пьянит, а вот Дорнар-оррхар, драконье дыхание — очень даже. Выдернув старинную бутылку из ячейки, Люциан огляделся и, не обнаружив поблизости ничего, чем можно было бы поддеть пробку, выругался. Так грязно, что грязи недомытых углов погреба оставалось только завидовать.

Пришлось подниматься на кухню, хотя видеть кого-то хотелось меньше всего.

— Тэрн-ар Люциан, — Сьерра раздула драконьи ноздри, особенно когда увидела в его руках бутылку. — Ваш отец не велит брать запасы, особенно прикасаться к Дорнар-оррхар.

Да что ж они все испытывают его терпение!

— Так пожалуйста на меня отцу, — хмыкнул он. Подхватил первый попавшийся на глаза инструмент, о назначении которого мог лишь смутно догадываться, всадил в пробку. Она жалобно хрустнула.

— Тэрн-ар! — в голосе драконицы звучали укоризненные нотки, которые, впрочем, тут же смягчились. — Вы бы сестру провели, а? С того самого вечера девочка сама не своя... расстроилась. Вы поссорились, говорят?

— Врут, — часть пробки улетела в воздух, часть провалилась в бутылку. Люциан повернулся к Сьерре и произнес, четко проговаривая слова: — Нэв просто вела себя как маленькая, эгоистичная дрянь, а у меня достаточно дел, чтобы заниматься этой мелкой оторвой. У тебя, кстати, тоже полно прямых обязанностей. Займись ими вместо того, чтобы раздавать советы.

Сьерра даже пригнулась, а он развернулся, швырнул ставшую ненужной железяку на стол и вышел. Ноги сами принесли его к лабиринту и он, не задумываясь, приложился к узкому горлышку. Огонь напитка ожег горло и, кажется, даже легкие, и он судорожно втянул холодный воздух.

Лозантирова Ларо, чтоб ей сгореть в своей темной магии! Он ведь реально поверил в то, что он ей нужен. Что она что-то к нему испытывает...

— Varr-r-r-rha[1]! — вырвалось с рычанием на драконьем. Он почти запустил бутылкой в живую, тянущуюся к темному небу изгородь, но вовремя опомнился. Идти за новой бутылкой было лень, еще больше не хотелось слушать очередное нытье Сьерры или смотреть ей в глаза. Поэтому Люциан сделал еще глоток, все больше и больше углубляясь в запечатавающий, отрезающий его от мира лабиринт.

Как давно Альгор все знает? Не просто же так он вокруг нее терся...

Флер крыльев снова полыхнул за спиной, и не просто флер, Люциан чувствовал, как они набирают силу, готовясь перейти в полуоборотную, частичную боевую форму.

— Ненавижу! — женский голос прозвучал так отчетливо, что он замер. Знакомый женский голос, доносящийся... справа? Слева? В этом и был приколот лабиринта, никогда не понятно, откуда идет звук. В детстве он любил сюда приходить, чтобы побыть в одиночестве. Особенно — после смерти матери.

Он. Рассказал. Ей. Все!

Все самое сокровенное... а она смотрела ему в глаза — и смеялась!

Ярость полыхнула снова, чуть не отрезав воспоминания о том, что здесь есть кто-то еще. Интересно, кто? Желание развернуться и уйти было сильным, но еще сильнее было желание на ком-то выместить свою злобу, поэтому он зажал горлышко бутылки большим пальцем, оттолкнулся и взмыл ввысь.

Обычно полет дарит дракону незабываемые, яркие эмоции и вдохновение, но сейчас он только разжигал злобу, ярость, какой-то полубезумный азарт. Лабиринт уменьшился, и Люциан бросил взгляд вниз, чтобы определить, где девчонка, которая кого-то ненавидит. Долго искать не пришлось, в одном из коридоров мелькнуло ярко-красное пятно платья. Хм-м-м...

Он рухнул вниз, сложив крылья, и приземлился за ее спиной так резко, что она взвизгнула и обернулась:

— Совсем сбрендил?!

— Драконова, — это была констатация факта. — Все интереснее и интереснее.

— Что тебе интереснее? — сложив руки на груди, она посмотрела на него в упор. Явно уже оправилась от первого потрясения: глаза метали молнии. Покрасневшие глаза, благодаря драконьему зрению он мог улавливать такое даже в темноте.

— Все. Например, как ты здесь оказалась.

— Я же не спрашиваю, почему ты с бутылкой, — огрызнулась София.

— И правильно. Не спрашивай. Хочешь? — он протянул Дорнар-оррхар ей. Драконова вскинула брови:

— Считаешь, что я буду пить из горла?

— Ну прости, бокалов не захватил, — хмыкнул Люциан. И, не дожидаясь комментария, сделал еще несколько глубоких глотков.

Мир подернулся легкой дымкой новых впечатлений. Если человеческое вино и пламя было так, на побаловаться, то оррхар брало даже самых сильных драконов. Самое то, что сейчас нужно, чтобы забыть одну маленькую лживую темную тварь. Ухмыльнувшись, он посмотрел на Драконову:

— Ничего так прикид.

Прикид, надо признаться, был очень даже чего. Ярко-красное платье подчеркивало ее внешность: темные волосы, темные глаза, легкий загар. Его не обошла информация, что Драконова обожает отдыхать на островах и что каждые выходные проводит в шезлонге на берегу океана — благо, папочкины средства позволяют. Осталось только понять, что она делает тут.

— Стой, — Люциан снова ухмыльнулся. — Кажется, я понял. Платье, прическа, туфельки... с Сезаром ужин не удался.

— Скотина, — огрызнулась София.

— Сезар-то? Еще какая. Та еще тварь, — равнодушно пробормотал он и снова приложился к бутылке. Братец у него сейчас ярких чувств не вызывал: даже несмотря на то, что был кувшином с концентрированной темной магией на ножках.

— Ты пьян, — усмехнулась девушка. А потом мстительно добавила: — С Ларо что-то не задалось?

Он сам не понял, как оказался рядом, сжимая ладонь на ее шее.

Пока еще мягко.

— Не смей о ней говорить.

— Или что? — раздув ноздри, Драконова сверкнула глазами. Потом рывком выдернула из его ладони Дорхар-оррхар, сделала глоток и... С минуту Люциан просто ржал, глядя на то, как София, икона стиля Академии, с выпученными глазами хватается губами воздух и кашляет. Он даже по спине ее похлопал, но ржать, правда, не перестал.

— Ч-ч-то это за дрянь? — спросила она, прокашлявшись.

— Драконье дыхание.

— Я чуть не задохнулась!

— Не повезло, — Люциану даже стало интересно, как дыхание действует на нее — людям такое вообще не стоило пить, и спустя мгновение он получил отличную возможность это узнать. Драконова слегка пошатнулась на своих шпильках, вцепилась пальцами в его локоть:

— Ой.

— Ай, — фыркнул он, увлекая ее за собой.

Все еще цепляясь за его руку, София наклонилась, чтобы снять туфельки. При этом весьма соблазнительно оттопырив свою аппетитную задницу.

— Что-то я... на ногах не держусь, — призналась она.

— Так садись.

Сказал бы ему кто, что он будет сидеть в кустах с Драконовой... ну ладно, не совсем в кустах, в лабиринте, тем не менее за спиной сейчас вырастала могучая стена растений, впереди, справа и слева тоже — так вот, Люциан не просто не поверил бы, но еще и бы и поржал. Впрочем, сейчас ржать хотелось не меньше, особенно когда Драконова всхлипнула:

— Ненавижу твоего брата, — сказала она.

— О, так мы можем создать команду, — запрокинув голову, Люциан смотрел на кружащиеся в темноте звезды. На них смотреть было проще, так перед глазами не стояли лица Ларо и Альгора, застывших друг рядом с другом в лабиринте.

— Ты тоже его ненавидишь?

— Еще как.

— Почему?

— Потому что. А ты?

— Потому что он заносчивый, самовлюбленный, напыщенный...

— Да, детка. Продолжай, мне это нравится.

София ткнула его в бок. Точнее, хотела ткнуть в бок, но видимо промахнулась и попала в ребра. Весьма ощутимо.

— Твоего ж...

— Ты смеешься надо мной?! — обиженно спросила она. Так обиженно, что впору заподозрить, что эту надменную и мерзопакостную девицу тоже подменили.

Лозантирова Ларо!

Он попытался сделать еще глоток, но в бутылке не осталось ни капли. Когда успел? Или это они вдвоем успели?

— Драгон!

— Нет, что ты. Мне правда нравится слушать, как ты оскорбляешь моего брата, — Люциан заглянул ей в глаза. Ее лицо было так близко и в то же время так далеко, и в этот момент он подумал, что неплохо бы попробовать на вкус ее губы. В конце концов, на них еще точно оставался Дорхар-оррхар.

О да. Он там точно оставался. Он почувствовал терпкий, обжигающий вкус на пухлых девичьих губах, стоило только накрыть их своими. Накрыть, разомкнуть, врываясь в ее красивый рот. Драконова уперлась ладонями ему в грудь, а потом, неожиданно, ответила. Они вместе рухнули на траву, Люциан на спину, София сверху.

Звезды над ними устроили какие-то сумасшедшие пляски, небо вращалось и двигалось, как черное полотно...

В глаза ударил ослепительный солнечный свет. Зажмурившись, Люциан приложил ладонь к лицу и поморщился: голова напоминала пустую бочку, по которой всю ночь колотили ногами и железяками.

— Твоего ж драха, — выдохнул он.

Было холодно. Очень холодно, и, хотя замерзнуть ему не грозило, трава и земля неприятно обжигали спину и голый зад. А вот сверху было тепло и приятно, и, убрав от лица руку, Люциан обнаружил на себе Софию Драконову. Тоже голую. Вся их одежда в беспорядке была разбросана по земле, ее трусики почему-то висели на ветке над его головой, а его форменный пиджак комом валялся на каменной дорожке.

Пару минут он пытался осознать себя в этом мире, а потом снова прикрыл глаза, повторив (уже гораздо более эмоционально):

— Твоего ж драха!

[1] Дрянь

Глава 8

Я открыла глаза из-за непривычно тяжелого покрывала, придавившего меня к постели. Открыла — и тут же их закрыла, потому что на меня разом обрушились все воспоминания и спящий рядом Валентайн Альгор. К счастью, он на меня не обрушился, а просто спал, к несчастью, мужчины здесь не особо заморачивались с одеждой, а спал он поверх покрывала.

М-да, Лена. Просыпаться каждое утро рядом с новым мужчиной — это... скажем так, дурновкусие.

— Хотел бы я знать, о чем ты сейчас думаешь.

Я чуть не подскочила, потому что этот мирно спящий темный дракон на поверку оказался не таким уж спящим.

— А то ты не знаешь.

— Нет. Не знаю, — Альгор повернулся ко мне и приподнялся на локте.

Я старательно смотрела ему в глаза. Очень старательно. Казалось бы, после всего, что вчера случилось, можно уже и ниже, но нет. Не можно.

— Я размышляю о смысле жизни, — сказала, наконец. — И жду, когда ты мне все объяснишь.

Кажется, его мой ответ удивил. Или позабавил — с этим мужчиной никогда и ни в чем нельзя быть уверенным. С другой стороны, с каким вообще можно? Воспоминания о Люциане пришли некстати, впились в сердце жалами, и я задвинула их подальше. Я так поступала всегда, и это значительно облегчало мне жизнь.

— Что именно тебе объяснить, Лена?

Я поморщилась. Сама же не хотела, чтобы меня звали не-Ленор, а теперь вот пожалуйста, получите и распишитесь. Морщусь от звучания собственного имени, которое знаю с детства.

— Все, — ответила я и добавила: — Оденсья, пожалуйста.

Я не особо рассчитывала на содействие, думала, что придется самой вылезать из постели, топтать к ближайшему креслу и там смотреть в окно, которое пока было занавешено плотными темными портьерами, но нет. Валентайн меня удивил — одно движение руки раскрыло портал. Второе — когда он сдернул халат, похожий на тот, в котором я спала, прямо из ванной комнаты, заставило задуматься о его истинной силе. Это ж сколько всего он может, если для него открыть портал и вытащить оттуда халат, как два пальца об асфальт? В то время, как архимагу Равену приходится везти меня к portalу через полгорода, потому что открыть самостоятельно из дома в Академию — слишком затратно, и даже Люциан за одеждой ходит...

Так, все. Никаких мыслей про Люциана. Не сейчас.

Тем более что теперь уже можно было смотреть и вниз, и вверх, и куда душа пожелает. Валентайн не просто набросил халат, он поднялся, приблизился к окну и, в кои-то веки не магией, распахнул портьеры.

В комнату брызнуло утреннее солнце.

— Сколько я спала?! — вырвалось у меня.

— Достаточно долго, чтобы оставить вчерашний день в прошлом.

Вот и что это значит?

Теперь уже я села на постели, а он развернулся ко мне. Длинные темные волосы странными рваными прядями взметнулись за спиной. Это что, местный аналог стрижки «лесенкой», только для мужчин?

— Что у тебя с волосами?

Он приподнял брови.

— Самый актуальный вопрос. Темной магией слегка зацепило. Теперь о тебе, — ко мне он не приближался, за что я искренне была ему благодарна. После вчерашнего, да и в прин-

ципе после всего мне было жизненно необходимо личное пространство. — В любом драконе и даже в человеке уровень магии постоянно меняется, но магический фон присутствует всегда — разумеется, если дракон или маг не выгорел и не опустошен. В тебе фон величина переменная.

— И что это значит?

— Это значит, что он то есть, то нет.

Ну разумеется. Когда у меня все было просто?

— Так. А при чем тут темная магия? Точнее, как она у меня появилась?

— С наибольшей вероятностью, ты получила ее при переходе из своего мира в наш. Умерла там, возродилась здесь, в теле тоже погибшей девушки. Заклинание переноса, очень мощное, создало вокруг тебя магический потенциал небывалого уровня, который ты впитала и перенесла в тело Ленор. Это моя гипотеза, основанная на твоей истории и на всем, что мне известно.

— Но магия во мне то есть, то нет?

— Совершенно верно.

— Почему?!

— Хотел бы я это знать. — Валентайн все-таки приблизился ко мне, и в холоде его глаз я уловила совершенно незнакомые мне оттенки эмоций. Что-то настолько... новое, что лучше бы оно никогда не появлялось. Если раньше на меня смотрели как на девицу, которую запросто можно раздеть и потискать, то теперь — как на научно-экспериментальный образец. Или мне так показалось? Драх его знает, что в голове у этого мужчины!

— Что произошло вчера? — постаралась быстро переключиться с раздеваний и опытов на более насущные темы.

— Как я уже говорил, твоя магия нестабильна, и она проявляется в момент возникновения угрозы твоей жизни. Первые два всплеска...

— Два?

— Сеть Грехмира и зарождающаяся вспышка на ужине Драгонов.

А, это когда меня хотели просветить королевским сканером!

— Мне сказали, что этот королевский взгляд мог меня убить, — произнесла, глядя на него в упор. — Ты этого не сказал.

— Я и так много сказал в тот вечер, — теперь уже поморщился Валентайн. — Так вот, первые два всплеска были слабыми. Последний, спровоцированный Лэйтором, раскрыл в тебе твой истинный потенциал. Мне пришлось плавно его погасить, чтобы он не уничтожил тебя и половину Хэвенсграда. Для этого я сначала соединил твою и мою магию, а после смог ее приглушить, управляя твоей силой через свою.

Я поморгала.

— Ладно. Предположим, я все поняла... но во мне не только темная магия. Я использовала обычные заклинания, и у меня даже пару раз срабатывало то, что не вызывало ни у кого истерики и облысения. Прости! — подняла руки с нервным смешком. — Я сейчас не про тебя, а про то, как все здесь реагируют на темную магию. Так вот, я уверена, что у меня была светлая. То есть я как-то разозлилась, и...

— В этом нет ничего удивительного.

— Да?

Валентайн кивнул.

— Тело Ленор наделено унаследованной от родителей магией. В момент перехода две силы соединились, образуя убийственную комбинацию, которая — отчасти еще и поэтому — ведет себя нестабильно, проявляя то одну, то другую сторону.

— И в этом нет ничего удивительного?

— Для меня нет. Для тебя... да.

— Почему?!

— Потому что ты не дракон, Лена. Ты человек, ты носишь в себе две силы и все еще жива. Ты не дракон, Лена. А для драконов такое нормально?

Нет. Не нормально, но прецедент есть. Я поняла это то ли по взгляду Валентайна, то ли, скорее, просто нырнув в закрома собственной памяти небогатых сведений по этому миру. До меня сочетать в себе две магии умудрялся только королевский наследник.

Сезар Драгон.

Вот только если у Сезара в качестве гаранта безопасности за спиной есть папа-Ферган, то у меня шиш с маслом. И он, этот шиш, в смысле Хитар Равен, с наибольшей вероятностью сам снова отдаст Ленор Лэйтору, только чтобы удержаться на своем благословенном посту архимага.

— Рабочая схема, но еще в ней есть я.

— Как?! — Я подскочила на постели, взвилась, оказавшись рядом с Валентайном. — Ты же сам сказал, что не читаешь мои мысли.

— Не читаю. Не все, — очень многозначительно ответил он.

— Но?! — во мне кончилось терпение.

— Но так же, как и с твоей магией, это иногда происходит спонтанно. Я склонен предположить, что ты открываешься мне сама. И кстати.

«Попробуй не смотреть на меня так, словно пытаешься мысленно придушить».

То, что слова прозвучали у меня в голове, я поняла уже постфактум.

«Это одно из преимуществ темных, которого очень боятся светлые. Ментальное общение на любых расстояниях при должном магическом созвучии. Существенно облегчает ведение войн и стратегические задачи, в том числе делает практически невозможным перехват информации. Таким образом гораздо проще отдать приказ командующим, особенно когда это срочно и требуется мгновенное принятие решения».

— Это же не мысли, — сказала я. — Это то, чем кто-то хочет с другим поделиться.

— В принципе верно. Но на начальном этапе это иногда то, что ты хотела сказать вслух, но не сказала. Вернемся к тому, что ты все-таки подумала, Лена. Как я уже сказал, в этом уравнении есть я.

— И это значит, что меня никто никогда не обидит и даже косо не икнет в мою сторону?

— Я не настолько наивен, чтобы тебе это обещать. Но Лэйтор к тебе больше не приблизится, ни он, ни кто-либо еще по приказу Керуана. Об этом я позабочусь. Так же я сделаю все для твоей безопасности и, если ты будешь следовать моим правилам, все будет хорошо.

— А если не буду?

— Будешь. Ты будешь им следовать, Лена.

Теперь косо икнуть захотелось мне. Валентайн произнес это привычно буднично-отстраненным тоном, но как-то многообещающе. Как если бы то, что я буду следовать *его* правилам, был уже решенный вопрос. Решено где-то там, в местном божественном самоуправлении, и записано на скрижалях Тамеи и Лозантира. Вот что меня больше всего в нем бесит — так это то самое! Хотя сейчас не время беситься, сейчас время впитывать информацию.

— Так, а...

— На сегодня достаточно, — произнес он. — Сейчас мы позавтракаем.

Эм.

— Мы? — уточнила я.

— Мы. Или ты думала, что я питаюсь исключительно кровью невинных жертв и темной материей?

Судя по свойствам темной магии, скорее уж антиматерией, но вслух я этого говорить не стала. К счастью, и не «подумала громко», потому что обсуждать нашу Вселенную и философски-отвлеченные темы с Валентайном Альгором в мои планы не входило. Завтракать, в общем, тоже.

— Кровью питаются вампиры, — ответила механически, пока не придумала, как изящно обогнуть тему завтрака.

— Кто?

— Это такие вымышленные монстры в нашем мире. Они пьют кровь и убивают людей. Некоторые не убивают, но они хорошие.

— Зачем выдумывать монстров?

И правда, зачем.

— Валентайн, я не буду с тобой завтракать, — сказала я прямо, потому что поняла, что изящно не получается. А может быть, и не надо. — Несмотря на все, что произошло... и на все, что еще произойдет, у меня нет ни малейшего желания переходить эту черту. Поэтому давай оставим все как есть, и...

— Нет.

А я что говорила? Бесит!

Только сейчас поняла, что стою я очень близко к нему — после того, как спрыгнула с кровати. Очень-очень близко. Настолько, что не мешало бы отступить на пару шагов. Стоило мне об этом подумать, как его ладонь легла мне на талию, вызывая состояние, близкое к панике. Я тут думала про Хитара, про Лэйтора и про всех разом вместе взятых, а между тем как передо мной самый опасный монстр этого мира. Не считая его папашу.

— Превосходно, — голос Валентайна с хрустом крошащегося льда надломился, переплавляясь в металл. — Хочешь считать меня монстром, я стану им для тебя. Только для тебя, Лена.

Глава 9

Валентайн Альгор

Неожиданно это оказалось больно. Боль — это то, что он не испытывал очень и очень давно: отец постарался. Сначала приучал к физической, потом — к той, которая гораздо сложнее.

— Человеческому выродку положено быть слабым, — как-то сказал Адергайн. — Человеческому выродку, но не моему сыну.

Долгие годы его воспитания привели к полной потере чувствительности, и это не было образом речи. Тело защищается от любого стресса, особенно от того, что испытывает постоянно. По сути, у него было два выхода: сойти с ума или утратить чувствительность. Адергайн знал, что делает. Лишиться рассудка ему не позволила кровь сильнее темного, а утратить чувствительность помогла человеческая составляющая, раз за разом корчащаяся в агонии.

И вот теперь, спустя столько лет странное чувство. От слов девчонки, даже не от слов, от мыслей, полоснувших когтями по сердцу. Сколько у него было женщин, но ни одна не сумела вот так походя ударить. И попасть в цель.

Темная тварь — клеймо, с которым он жил с первого дня своего появления в Даррании. Ему было плевать. Им — нет. Сколько их проходило мимо него с ненавистью, со страхом, и сильнейших магов и слабых людей, высокородных и не очень драконов. Они боялись и от этого ненавидели еще сильнее. Их попытки вывести его из себя, спровоцировать, ударить, рассыпались о тренировки Адергайна, как разлетается тленом все, чего касается истинная суть темной силы.

Она же...

Она плотно сжала губы и сложила руки на груди.

— Думаешь, что можешь меня напугать? После всего, что было?

Нет, он не хотел ее напугать. Он хотел сделать ее своей, и при том во всех смыслах. Опасное чувство возникло в тот миг, когда Валентайн увидел ее впервые. К сожалению или к счастью, его суть не подразумевала глубоких привязанностей. К сожалению — потому что он упустил этот первый момент, когда желание ею обладать еще не впиталось в кровь, распространяя эту отраву по венам. К счастью, потому что какие бы то ни было чувства не для него. Чувства — это суть человека, человек не способен их контролировать, зато легко поддается влиянию темной магии, которая, как и желание обладать этой женщиной, отравляет его кровь, день за днем набирая силу.

Впервые он задумался об этом сходстве, когда захотел оторвать голову младшему отпрыску Фергана. При одной мысли о том, как Драгон касается ее кожи, как обнимает ее, внутри разрасталось темное, черное зло, способное на любую жестокость. Мальчишка сам не догадывался, сколько раз рядом с ним ходил по краю.

Не догадывалась и она. О том, что могла бы кричать под ним не раз и не два, о том, насколько — до дрожи — ему необходимо чувствовать ее страсть, чувствовать, как натягивается между ними невидимая дрожащая нить созвучия, от прикосновения к которой можно порезаться. Насколько близко она стоит от того, чтобы он впитывал ее стоны губами, от единства их обнаженных тел, от сплетающейся воедино магии: не как вчера, а уже в качестве дополнения к тому, когда она по-настоящему станет его. Не догадывалась она и о том, что именно ее присутствие, именно мысли о ней останавливали его в полушаге от жесткого предупреждения золотому мальчишке.

Ни его статус.

Ни Ферган.

Ни все, что осталось за спиной, ни все, чего он добился.

Именно она.

— Думаю, что тебе стоит помолчать. — Это прозвучало резко, но так и хотелось.

Она широко распахнула глаза:

— Помолчать?! Отлично! С удовольствием. Верни мою одежду, и я больше ни слова тебе не скажу.

— Одежда тебе в ближайшее время не понадобится.

Ее глаза сверкнули, знакомо: нет, Лена никогда его не боялась. Ее ярость была такой силы, ее внутренняя сила была такой, что хотелось немедленно впиться губами в ее непокорный рот, вплетая в волосы пальцы и рывком притягивая к себе.

— Очень многообещающе. Но мне нужно в Академию.

— В Академию ты не вернешься.

Можно было добавить «Пока я не решу вопрос с Керуаном», но он не стал этого делать. Развернулся, направляясь к дверям, когда услышал:

— Не хочешь возвращать одежду, пойду так.

И ведь пойдет. Он понял это даже не по ее интонациям и решимости, а по тому, как она обогнула его, направляясь к дверям. При мысли о том, что кто-то может ее увидеть такой — с растрепанными волосами, уютно-домашнюю, босую, в его халате, внутри что-то коротко дернуло. Ужалило разрядом страшной знакомой черной искры. Знакомой очень хорошо, и от этого страшной.

Она уже рванула дверь на себя, когда Валентайн произнес:

— Doormard nierrhen.

Заклинание подчинения ударило в ее сознание неожиданно, поэтому Лена споткнулась и замерла. А он, указав на кресло, стоящее у окна, скомандовал:

— Сядь.

Его полоснуло — тонко — ее болью, обидой. По хрупкой нити зарождающейся связи к нему потянулось что-то еще, но Валентайн решительно отмахнулся, разрушая первые попытки темной силы создать *созвучие*. Когда-то давно это называли именно так, по крайней мере, на темных землях. Созвучие — это нечто за гранью влечения, непостижимое ни уму, ни сердцу. Полная ему противоположность — черная страсть. Обратная сторона созвучия, когда все светлое оборачивается умопомрачением, желанием обладать любой ценой, несмотря ни на что. Созвучие — история для двоих, черная страсть — неизменно для одного. Но в его случае не будет ни первого, ни второго.

Ни с кем. Никогда.

Ощущение пришло — и растаяло, оставив после себя легкую дымку горьковато-тленного послевкусия. Девушка прошла и покорно опустилась на стул, по-другому и быть не могло. Без вариантов.

Doormard nierrhen гораздо мощнее заклинания, которые используют светлые для облегчения участи тяжело раненых. Оно создано в самом сердце темных земель, первыми драконами Лозантира, его сила проникает в самую глубину сознания, превращая дракона или человека в марионетку. Почему-то последняя мысль заставила поморщиться.

Тем не менее Валентайн приблизился к опустившейся на стул девушке и произнес, глядя глаза в глаза.

— Мне некогда с тобой возиться, Лена. Завтрак тебе принесут. Еще принесут мазь, которую нужно нанести на запястья. Следов почти не осталось, если хочешь, чтобы их не осталось совсем, рекомендую сделать это сразу же как увидишь склянку.

При воспоминании о следах от наручников на хрупких запястьях ему снова нестерпимо захотелось свернуть Лэйтору шею. Впрочем, для него есть гораздо более интересный вариант, и Валентайн знал, что Керуан на него согласится. Он будет *вынужден* согласиться.

На шее девушки отчаянно билась жилка, и на миг от желания коснуться ее губами перед глазами стало темно. Так темно, как не было никогда даже в самые темные ночи, даже в самых темных практиках, в которые он заходил на тренировках с Адергайном. Еще нестерпимо хотелось дотронуться до запястий. Повторить подушечками пальцев тонкие оставшиеся от порезавшего кожу металла следы. Вчера, когда он втирал исцеляющую мазь в рваные ранки, внутри схлестнулись два совершенно непохожих чувства.

Незнакомое, щемящее сердце желание сделать все, чтобы стереть этот кошмар с нежной кожи, и черное, раздражающее на части чувство, подталкивающее к тому, чтобы вернуться в камеру. Чтобы рвать Лэйтора на части до тех пор, пока он не перестанет хрипеть. Эти две силы столкнулись внутри такой дикой вспышкой, с которой пришлось справляться давно знакомыми методами контроля. А после, сидя рядом со спящей девушкой и глядя на нее, он и придумал то, что собирался воплотить сегодня.

— Ты меня поняла? Кивни, если да.

Она кивнула.

— Отлично. Заклинание я сниму, когда вернусь. Ты можешь делать все, что угодно, в рамках этой комнаты и ванной. Все, что тебе необходимо. Но за пределы их ты не выйдешь. Можешь говорить все, что хочешь.

— Ненавижу тебя, — она замахнулась, но он перехватил ее руку. Все-таки поднес раскрытую ладонь к губам и коснулся самой ее серединки.

После чего оттолкнулся от подлокотника и вышел. Несколько минут ушли на то, чтобы одеться и отдать приказы, стянуть искромсанные тьмой волосы в хвост, а потом Валентайн шагнул в раскрытый портал прямо в кабинет Керуана. И без малейшего удивления обнаружил там Равена и Драконова.

Интересно, Равен уже в курсе, что вчера пытались сделать с его подопечной?

Валентайн подумал об этом с какой-то нездоровой злостью. Хотя бы потому, что рыжеволосый хмырь, называющий себя архимагом, должен был решать вопрос с Лэйтором и Керуаном. Сейчас же они все, как по команде, повернулись к нему: Драконов — оглаживая густую черную бороду, Равен — сцепив руки за спиной, и Керуан, раздувая ноздри.

— Валентайн, — сухо произнес последний, если бы не звенящие нотки ярости в его голосе, скрепившие эту сухость, сейчас его имя осыпалось бы пылью тлена. — Насколько я знаю, портал в кабинет Верховного архимага открывать запрещено, и протокол одинаков для всех.

Керуан еще умудрялся злиться. Но нет, злиться здесь положено не тебе.

— У меня безотлагательное дело. Касается нарушения защитных контуров на границе с Темными землями.

Драконов и Равен напряглись, что касается Верховного, он снова в ярости открыл рот, но тут же его закрыл. Да, именно так его вчера отправили из Хэвенсграда, разбираться с нарушенным приграничным защитным контуром, вот только теперь становилось ясно, кто его нарушил. И зачем.

При мысли об этом ярость снова заструилась по венам, а запертая внутри темная сила оскалилась и радостно вскинула голову.

— Мне говорить при всех? — отражая ее, Валентайн улыбнулся, и эта улыбка, судя по взгляду Керуана, выглядела довольно жутко. — Тогда начнем с...

— Минуту, — резко произнес Керуан. — Драконов. Равен. Я освобожусь и вас приглашу.

Если мужчинам это и не понравилось, они ничем не выдали своих чувств. Просто вышли, оставив их наедине.

— Какого Лозантира ты намеренно противопоставляешь себя остальным? — почти прорычал Керуан. Ноздри его раздулись так, что любой дракон позавидует.

— Я противопоставляю? — тихо и очень спокойно спросил Валентайн. Привычка неосознанно приглушать всплески того, что могло превратить его в подобие отца, уже стала инстинктом, поэтому и сейчас тьма улеглась, уступая место ледяной отстраненности. — Не помню, чтобы меня извещали о сборе Совета. Или ты не собирался этого делать?

Керуан снова полыхнул яростью. Будь в нем хоть частица первозданного пламени Тамеи, наверное, превратился бы в костер, а так искрил, как надорванный магический контур.

— Ты что вчера устроил в застенках? Мне придется объяснять, что произошло, почему сработали защитные заклинания, весь район на уши поставили. Не говоря уже о том, что ты сотворил с Лэйтором...

— Насчет защитных заклинаний — тебе не привыкать врать.

— Довольно! — Керуан громыхнул ладонями по столу, но Валентайн только шагнул ближе.

— И насчет Лэйтора. Ты приказал ему арестовать девчонку, ради чего даже убрал меня из Хэвенсграда. Мне очень хотелось бы верить, что методы допроса, которыми он воспользовался, не были одобрены тобой. Или были?

Тьма снова вскинула голову, надеясь обрести столь долгожданную свободу, и снова была укрощена, сворачиваясь внутри кольцами силы, как лишенная ядовитых зубов змея. Взгляда в упор, глаза в глаза, оказалось достаточно. Керуан отступил первым — разумеется, отступление выглядело так, что он просто садится за стол.

— Давай уберем лишние эмоции, Валентайн. Садись, — он кивнул на кресло.

— Вопрос был простой.

— Нет! — вскинулся Верховный. — Нет, я не содействовал ему в его методах! Больше того, Лэйтор уже получил выговор...

— Выговор? — Валентайн спросил это очень мягко, но получилось страшно.

— За превышение полномочий, — добавил Керуан. — Он уже получил по заслугам, ты ему чуть гортань не раздавил, у него вывих плеча и раздроблены кости в тазу. Есть ему теперь, пока целители не закончат работу, не светит, и говорить тоже.

— Бедняга, — он хмыкнул, а после произнес: — Ты отдашь его мне.

— Что?! — вот теперь Верховный просто взвился из-за стола.

— Давай уберем лишние эмоции, Керуан. — Валентайн повторил его же слова. — Начнем с того, что арест Ленор Ларо официальным не был. Насколько я понял, Драконов и Равен не в курсе. В результате у нас есть кто? Девушка-адепт Академии Драконова, которую арестовали благодаря твоему попустительству. Ректор, которая не умеет защищать вверенную ей территорию и адептов, и тебя, который очень здорово прокололся на своем желании сделать все за моей спиной. Насколько я понял, мои объяснения тебя не устроили?

— Закон один для всех! — прорычал Керуан. Вцепившись пальцами в край стола, он подался вперед. — А для наследницы Ларо тем более.

— В этом все дело? В ее родителях?

Керуан скривился.

— Я должен предотвращать угрозы в зародыше. Именно этим я и занимаюсь.

— Как по мне, ты просто пытаешься прикрыть собственную задницу. Достаточно неумело. Лэйтор и его команда, которые уводили Ларо, секретарь и ректор без мозгов... — Последнее он почти выплюнул — разговор с Эстре вчера получился не из приятных. — Как думаешь, что будет, если обо всем этом станет известно? О том, что адепта самой престижной Академии могут просто забрать на допрос без объяснения причин?

— Причина была...

— Только в твоей голове. Мне плевать, что ты там себе надумал по поводу этой девочки.

— Ты сказал, что в ней нет темной магии. Это так? — Керуан посмотрел на него в упор.

— Нет. Угрозы в ней нет.

То, что можно было сказать другу, Верховному архимагу говорить бессмысленно и опасно. Особенно сейчас.

— Ты обещал найти причину появления сети Грехмира!

— И я ее найду. Когда я ее найду, ты узнаешь об этом первым. Я сказал, что я закрою любую угрозу от темной магии, и я ни разу тебя не подвел.

Верховный глубоко вздохнул и снова опустился в кресло. За его спиной в окне солнце раскрасило Алую площадь и Хэвенсград теплыми осенними красками, но тепла в собственном взгляде в отражении Валентайн не увидел.

— Хорошо. Что ты предлагаешь?

— Ларо я займусь сам. Эстре будет молчать и ее секретарь тоже. Военными занимайся сам, кроме одного. Лэйтору придется исчезнуть: в отличие от остальных, у него личный интерес. Если его не устроит то, что ему предложишь ты, он пойдет дальше. Возможно, к Фергану, — Валентайн смотрел не на Верховного, а в глаза своему отражению. — Думаю, не стоит объяснять, как это может сказаться на твоём авторитете?

На авторитет Верховного ему было плевать. На то, что гритт сделал с Леной и на то, что он не оставит ее в покое — нет.

— А ты? — этот взгляд он почувствовал и подхватил. Наградив Керуана ответным сверху вниз.

— Я верен тебе, — Валентайн оттолкнулся от стола кончиками пальцев и направился к двери, — и останусь верен, если ты не станешь снова играть за моей спиной.

— Ты мне угрожаешь? — ударило в спину.

— Нет. Надеюсь, ты достаточно умен, чтобы не угрожать мне.

Он толкнул дверь и прошел мимо ожидающих Равена и Драконова, даже не взглянув в их сторону. Разочарование всегда имеет мерзкий привкус, возможно, именно поэтому сейчас отчаянно хотелось сплунуть. Тем не менее впереди ждал еще один переход и нерешенное дело с Лэйтором, которое стоило закрыть сразу.

В доме гритта стояли заклинания, оповещающие о любом входящем портале, но все, что Лэйтор успел — это вытаращить глаза и вскочить. Целители за вчерашний день постарались на славу: горло уже не было опухшим, руки-ноги и все остальное тоже цело. Валентайн вытолкнул его в портал на границе с темными землями: на безлюдной отдаленной линии, похожей на ту, где вчера якобы случайно был разрушен контур, и где отчаянно суетились выдвинутые туда приграничные войска.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.